

Елена Долгова
Центурион

Первая книга цикла «Геония»

Елена Долгова

**Центурион. Первая
книга цикла «Геония»**

«Издательские решения»

Долгова Е.

Центурион. Первая книга цикла «Геония» / Е. Долгова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904653-6

Геония — мир, столетия назад заселенный колонистами с Земли, а теперь разделенный конфликтом. Псионики — люди, дар которых связан с древней загадкой планеты. Легендарная Аномалия — горная территория, с которой еще никто не вернулся живым. Алексу Дезету, бывшему офицеру на службе у императора Оттона, придется раскрыть тайну Аномалии или умереть.

ISBN 978-5-44-904653-6

© Долгова Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Свободная Каленусия	8
Глава 1. Септимус	8
Глава 2. Алекс Дезет	19
Глава 3. Белочка	32
Глава 4. Иеремия, Мюф	41
Глава 5. Готовятся	46
Часть вторая. Горы Янга	51
Глава 6. Сомнения	51
Глава 7. Преодоление неизвестности	57
Глава 8. Хмурики приходят	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Центурион

Первая книга цикла «Геония»

Елена Долгова

Иллюстратор Den Xenon

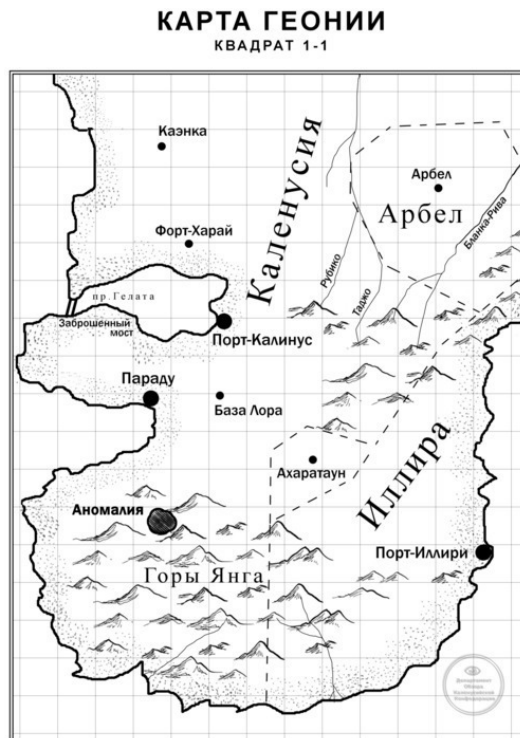
Иллюстрация на обложке Prettysleepy1

© Елена Долгова, 2018

© Den Xenon, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-4653-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Не дано увидеть те силы,
которые позволено только ощущать.*
Апулей

Пролог

Легкий северный ветерок отпел свое еще ночью, так и не сумев разогнать плотный туман. Белесые жгуты и космы оплели гигантский монолитный обломок, сотни лет назад застрявший между скал, сами скалы, крошево мелкого камня и маленький бункер, прилепившийся к монолиту.

Покой. Сырость. Неподатливый, тяжелый камень. Белая мгла. Молчание.

Тот, кого называли «Второй», повернул штурвал, отворил стальную дверь, выглянул наружу, вдохнул влажный воздух. Молочная пелена скрыла горизонт – камень-основание словно завис в мутной, желеобразной пустоте. Человек постоял немного, справляясь с привычной неловкостью: за месяцы жизни в горах он так и не сумел поверить в надежность висячего камня. В месиве молочного цвета чернел шест мачты. Второй подошел поближе, личным жетоном открыл крышку в массивном основании, склонился над осветившимися шкалами приборов. В этот миг призывно пискнул уником.

– Слушаю, Первый.

– Проблемы?

– Да как сказать. Тебе не снились сегодня кошмары? У нас тут зашкалила фоновая психическая активность.

– Индикатор сломался?

– Нет.

– Так не стой там – возвращайся.

– Сейчас...

Второй сделал шаг к бункеру и остановился. «Я забыл закрыть крышку». Человек повернулся, прикрыл мягко мерцающий индикатор стальным щитком, убрал жетон из щели. «Теперь все».

Второй преодолел половину короткого пути к бункеру, беспокойство почему-то не отпускало. Он оглянулся – стальной щиток крышки так и остался открытым, полыхал рубином аварийный индикатор, в щели сиротливо торчала забытый жетон. «Туман, будь он проклят. Я сам не свой от тумана и этого повисшего над миром камня...»

Второй вернулся к мачте. Закрыв. Защелкнул. Вынул жетон. Положил в нагрудный карман куртки. Отошел. Оглянулся.

Жетон торчал в щели.

– Первый, Первый! Красная тревога! У меня устойчивая психическая наводка!

– Что?! Ну ладно, брось все возвращайся. Назад, быстро!!!

– Мне плохо... потеря ориентации.

– В бункер!

– Куда? Я не вижу...

– Держись, я сейчас выйду и помогу тебе.

– Поздно, командир... Бесполезно. Прощай. И... не... открывай. Мне.

Первый потрясенно замолчал в стальном чреве бункера, прислушиваясь к сумбурному треску помех в унике.

– Второй!

Молчание.

– Ну ладно, ты меня слышишь? Ты можешь говорить?

Тишина сменилась слабым скрежетом, кто-то острым предметом царапал броню двери.

– Это ты, Второй?..

Скрежет прекратился.

Первый нерешительно дотронулся до замка. Звуки извне почти не проникали в бункер, уником издавал словно бы частое, прерывистое дыхание.

– Нуњес?

Невидимое существо коротко всхлипнуло.

– Держись, друг, я открываю.

Первый повернул гладкий, холодный круг штурвала, отворил тяжелую дверь.

Пусто. Струи тумана клубятся меж остробоких камней.

Человек помялся на пороге, потом, сам не зная, зачем, вытащил пистолет, взвесил на руке привычную тяжесть оружия.

– Все в порядке. Выходи, Нуњес.

Никого. Первый постоял еще, с удивлением посмотрел на собственный пистолет, дотронулся левой рукой до сухого, горячего лба – захотелось шагнуть в рыхлую белизну, навстречу влажной, мягкой, освежающей прохладе. В конце концов, зачем стоять на месте – надо найти Второго. Нельзя позволить Второму просто так, одному, бродить в тумане...

Первый сделал шаг. Еще один осторожный шаг... Сделать третий шаг он уже не успел.

Часть первая. Свободная Каленусия

Глава 1. Септимус

Каленусийская Конфедерация. Порт-Калинус.

Штаб-квартира Департамента Обзора

Бухта, формой напоминая копыто, глубоко врезалась в каменистый, источенный штормами западный берег. Порт-Калинус, словно подкова, охватывал эту бухту.

Столица Каленусии не манила путешественника ни прелестями морского курорта, ни тихим комфортом материковых городков. Здесь билось бюрократическое сердце Конфедерации. Дворец Сената, Калинус-Холл, напоминал руку с пальцем, устремленным в задернутое городской дымкой небо. Чистейшие улицы были размечены с геометрической точностью. Квартал Департаментов, наполненный чиновниками улей, занимал в центре Порт-Калинуса идеально ровный квадрат. Дорогие костюмы гражданских чиновников смешивались с экзотическими, подчеркнута небрежными хламидами интеллектуальной элиты, робы техников – с удобными серыми мундирами специальных Департаментов.

Здание Администрации Департамента Обзора довлело над кварталом, этот архитектурный скандал, приютивший «наблюдателей», возводили по проекту модного архитектора Финтиана. Финтиан, который носил ежик зеленоватых волос, был худ и желчен, так разъяснял идею проекта закадычному другу:

– Наше общество, Монти, жаждет свободы. Стремление к свободе у нас, каленусийцев, в крови. Носитель власти лишен возможности радоваться естественному ходу вещей, становясь средством поддержания этой естественности. Чем выше власть, тем меньше способных к истинному самоотречению. Отказавшийся от власти – свободен...

Собеседник архитектора растеряно вертел головой, прикидывая, в каком углу пристроен пси-детектор – лояльность эмоций посетителей кабаков подлежала контролю.

– Но, Финти...

– Никаких «но». Чем больше у тебя власти – тем меньше свободы.

Несчастный Монти ежил, в душе проклиная пьяную знаменитость...

Ориентировка на архитектора Финтиана попала в кибер-сеть Департамента Обзора спустя всего три часа. Шеф Департамента (псевдоним – «Фантом»), только махнул рукой, сочтя болтуна неопасным, и архитектурный проект мятежного духом модерниста – ступенчатая пирамида – был принят Департаментом не без сдержанного удовольствия.

Каждый ярус громоздился все выше. Шахты скоростных лифтов пронизывали Администрацию насквозь, подъемники гудели, исправно возили деловитых сотрудников, ступенчатые бока архитектурного монстра чуть заметно вибрировали, блистали стеклом, красовались матовым металлом.

В тот день, который положил начало истории о большой каленусийской ментальной Аномалии, на восемнадцатом ярусе пирамидального офиса, в небольшом кабинете, у монитора кибер-сети сидели двое – долговязый Септимус Хиллориан, полковник в серой форме наблюдателя и его помощник – молодой деловитый парень в коричневой робе технического специалиста.

Усталый полковник встал, потянулся с хрустом, отодвинул изящный стул и прошелся по кабинету.

– Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Разум Мира воззовет прошедшее на потребу себе.

– Откуда это?

– Сентенция древних.

– Пора пить кофе – вот моя сентенция.

– Идите, Аксель, идите не задерживайтесь. Я побуду один – мне надо сосредоточиться.

Полковник Хиллориан подождал, пока деловитая коричневая спина помощника скроется, и сунул пачку чистой бумаги в чрево канцелярского кибер.

– Твердую копию.

Кибер сердито застрекотал, плюнул новыми документами. Полковник склонил над бумагами коротко стриженую, с проседью голову, умное худое лицо приобрело отрешенное выражение.

* * *

Секретно.

Протокол кибер-брифинга отделов Департамента Обзора

Шеф Департамента («Фантом»): Внимание, вы знаете, зачем мы собрались, время не ждет, займите места за терминалами.

(пауза...)

Фантом: Все на месте? Пошлите сигналы идентификации. Так... Все в порядке. Слово отделу отдел геофизического пси.

Шеф отдела геофизического пси («Геолог»): Шесть часов назад мы получили сообщение о нарушении связи с наземным стационарным пунктом пси-наблюдения RP-735. Напоминаю – это на юге, в горах. Отсутствие в обычной и защищенной сети. Неответ на экстренные вызовы. Прекращение передачи данных наблюдения...

Фантом: Довольно. Система, копии сообщения на терминалы участников. Есть вопросы к Геологу, господ?

(пауза)

Фантом: Вопросы будут потом – это я вам гарантирую. «Зенит», вашу информацию в Систему. Голосом, голосом... не надо трогать ручной ввод, вы задерживаете собрание.

Шеф отдела пси-безопасности («Зенит»): По приказу Фантома была организована проверка RP-735 силами отдела безопасности и оперативных групп...

Шеф оперативного отдела («Егерь»): Моих людей не информировали должным образом... В этом виноваты вы, Зенит.

Зенит: Вы некорректны, коллега.

Егерь: Я очень корректен – настолько, что тебя спасает только виртуальное присутствие...

Фантом: К порядку. Нам не нужны неинформативные эмоции. Продолжайте, Зенит.

Зенит: Простите, шеф. Мы оба вспылили... Итак, продолжаю. Осмотр места расположения RP-735 дал некоторую информацию. Система – снимки на монитор.

Сразу несколько голосов: О!

Фантом: Да, живописно. Аналитик, вам слово. И постарайтесь не так, как в прошлый раз – бессодержательная малопонятная речь на полчаса, а покороче.

Аналитик: Амок, господ.

Фантом: Покороче, но не настолько коротко.

Аналитик: Амок – крайнее проявление пси-наводки, дает кратковременный эффект агрессии на фоне...

Фантом: Ну и?

Аналитик: Они поубивали друг друга, шеф. Последний умирал неприятно и долго.

Фантом: Система! Справочную статью по амоку – на мониторы... Так... Природа, прецеденты, проявления. Отлично. Ваши версии, господа.

Егерь: Иллирианская диверсия, шеф.

Аналитик: Версия с низкой вероятностью. RP-735 не имеет той ценности, которая компенсировала бы затраты Порт-Иллири на разработку боевой ментальной акции.

Фантом: Еще версии. Работайте, работайте мозгами, господа. Не спите. Нам нужны свежие идеи.

Геолог: Я не верю в существование временной естественной пси-аномалии такой мощности.

Зенит: Я тоже.

Егерь: Поддерживаю.

(пауза, шум, попытки перехватить инициативу, беспорядочные реплики)

Фантом: К порядку. Итак, что мы имеем? Взаимное самоубийство наблюдателей. Спасательная группа, пострадавшая от остаточных пси-наводок...

Аналитик: Есть свежая информация с места событий? Там продолжаются измерения?

Геолог: Минуту. Посылаю запрос.

(пауза)

Фантом: Мы ждем. Поторопитесь... Что у вас там?

Геолог: Сейчас...

(пауза)

Фантом: Мы ждем уже три минуты, вы бессмысленно перегружаете Систему.

Геолог: Шеф, я вынужден просить вас прервать брифинг до выяснения или сузить круг присутствия. Там нештатное, шеф.

Фантом: Система! Паузу на все мониторы. Исключения – мой и отдела наблюдений и... Аналитика.

Геолог: Смотрите свежую сводку.

Фантом: Это что – фальсификация?

Геолог: Нет. Полное разрушение горного рельефа в радиусе километра. Появилось полчаса назад и продолжает увеличиваться. Это последние снимки. Я объявил эвакуацию соседних постов. Пси-шорм, по периметру зашкалило приборы – не хочу терять людей. Это котел, шеф. Там кипит материя. И мозги человеческие в том числе.

Фантом: Увеличьте изображение. Аналитик – ваше мнение?

Аналитик: Похоже на разрушение материи, шеф. Но не только. Взгляните сюда. Нет, нет, левее... Система – отобразить указатель. Вот, вот, именно здесь... Шеф, тут появилось нечто новое. Видите?

Фантом: Да... Разум Милосердный!

Аналитик: Пока воздержусь от комментариев. Надо как-то обозначить явление. Мы пока не можем понять сути происходящего. Назовем его просто – Аномалия, с большой буквы. Имеет смысл подождать.

Фантом: Держите меня в курсе событий, Геолог. Аналитик – оставайтесь. У нас с вами будет особый разговор. Конец брифинга.

*** * ***

Хиллориан представил себе маленький бункер в горах. Такие привязаны к местам умеренной природной пси-активности. Два наблюдателя, рутинная работа, снятие показаний, мелкий ремонт, скука, взаимное раздражение, замкнутое пространство и...

Жесткие складки возле губ Хиллориана сделались еще резче, он смахнул протокол брифинга в папку взялся за следующий листок.

* * *

Хэри Майер, эксклюзивное интервью для программы «Мир и История».

Ведущий: ...А сейчас в нашей студии – звезда науки первой величины, доктор пси-философии, профессор Парадуанского университета, Хэри Майер! Поприветствуем профессора, господи!

(свист, крики, аплодисменты)

Хэри Майер: Право, я и не ожидал столь бурного интереса – польщен, польщен...

Ведущий: Мы – солидная программа, профессор. Нас не интересует дешевая информация для дешевых скандалов, мы обратились к вам в надежде на взвешенный обзор явления, занимающего видное место...

Хэри Майер: Спасибо, я все понял. Некогда первые колонисты Геонии столкнулись с явлением, поразившим их воображение. Пси-феномен воспринимался ими как колдовство и стал объектом крайних проявлений суеверия и фанатизма. Напомню вам, что поселенцы практически ничего не знали о резервных возможностях мозга. Точки естественного, природного психосвечения пользовались специфической репутацией как проклятые, запретные места, насыщающие безумие и смерть. Псионика, носители сенс-дара, в массовом порядке истреблялись в войнах.

Ведущий: Печально...

Хэри Майер: О да. Но это было давно.

(многозначительная пауза)

Ведущий: Немного рекламы наших спонсоров, господи! Обратите внимание...

(вырезано)

Ведущий: Уф...

Хэри Майер: На чем мы остановились?

Ведущий: На истреблении.

Хэри Майер: Не будем углубляться в эту неприятную тему.

(ехидные смешки в зале)

Итак, в каждом новом поколении часть геонийцев неизменно обладает пси-способностями. Псионика среднего периода истории объединялись в военизированные ордена для борьбы за выживание, а в ряде случаев – и за власть. Время расставило акценты по-своему. Сейчас ни для кого не секрет, что природа не одаривает человека, если можно так выразиться, бескорыстно. Использование паранормальных возможностей тем сильнее разрушает организм носителя, чем чаще и интенсивнее он пользуется собственным даром. Это естественное, благое ограничение, принуждающее к сдерживанию потенциально опасных качеств. Я подчеркиваю – только потенциально. Пси-способности не злы и не добры сами по себе. Это только инструмент. Куда и как он будет приложен – на благо или во вред человечеству, это вопрос не таланта, а нравственности...

Ведущий: Простите, Профессор, вы отвлеклись...

Хэри Майер: Разве?

Ведущий: Вопросами нравственности занимаемся не мы, а утренняя воспитательная программа.

Хэри Майер: Ах, да. Продолжим в рамках темы. Предположим, если некий человек пользуется пси-способностями, чтобы внушать вам...

Ведущий: Мне?!

Хэри Майер: Ну не мне же!

Ведущий: Почему именно мне? Давайте не будем переходить на наши с вами личности – это утомляет зрителей.

Хэри Майер: Ну ладно, ладно, в общем, все знают, что такое пси-наводка. Возможности специально обученных сенсов помогли Каленусийской Конфедерации выиграть войну у Иллирианской Империи...

Ведущий: Отличный пример – только в свободном обществе таланты сенсов находят наилучшее применение!

(пауза, нерешительные хлопки)

Хэри Майер: На чем мы остановились?

Ведущий: На пси-наводках.

Хэри Майер: ...полное техническое воспроизведение пси-наводки до сих пор невозможно. Этот феномен получил название фундаментального исключения Калассиана. Устройства – не люди, господа, они способны всего-то считывать ментальное состояние антропологического объекта...

Ведущий: Человека?

Хэри Майер: Ну да. Я же сказал – антропологического объекта. Итак, устройства способны перерабатывать ментальные сигналы людей или, на худой конец, играть роль простенького усилителя возможностей. Автомат-диктатор, правящий ментально поработенными человечками, так и остался персонажем остросюжетного чтива. Порадуемся, дамы и господа. Быть может, причина – в бессмертной человеческой душе?

Ведущий (подумав): Возможно... Замечательно. Bravo! Поддержим профессора аплодисментами!!!

(радостный шум и бурные хлопки в зале)

Хэри Майер: Впрочем, с некоторыми достижениями технической мысли мы сталкиваемся ежедневно. Кто не знает о пси-турникетах, контрольных пси-детекторах, пси-идентификации личности, полицейские участки оборудуются...

Ведущий: Профессор, вы окончательно отклонились от темы.

Хэри Майер: А по-моему, вовсе нет.

Ведущий: Но у нас кончается время.

Хэри Майер: Погодите...

Ведущий: Все, время истекло. Мое сожаление не имеет границ... Поблагодарим же профессора Майера за увлекательный экскурс в историю и теорию общементальной проблемы! Аплодисменты!!! Еще раз – аплодисменты!!!

* * *

Хиллориан жестко смял листок, шелкнул зажигалкой, поднес дрожащее синеватое пламя к белому краю листа, бросил маленький факел в пепельницу, долго смотрел, как эксклюзивное интервью Хэри Майера догорает, корчась в огне.

– Система, связь с Аналитиком.

Экран кибера оставался холоден и пуст, хотя голос Аналитика – протяжный, хрипловатый – связь передавала отлично:

– Добрый вечер. Если это не утомит вас, зайдите ко мне в берлогу... Иногда хочется взглянуть на суровые лица старых друзей.

Аналитик никогда не был другом полковника.

– Иду, – сказал он.

Элегантный лифт плавно распахнул чрево, сверкнул прозрачным стеклом, принял полковника и рванул вверх – Хиллориан вцепился в поручни. Легкие, ажурные конструкции Пирамиды летели мимо, вниз, вечер подкрасил пурпуром пластик и стекло, прозрачная изнутри, огромная наклонная стена открывала феерическую панораму пестрящего огнями Порт-Калинуса. «Берлога» Аналитика разительно отличалась от выдержанного в стиле ретро, аккуратного

кабинета Хиллориана. У стены нашли место целых два канцелярских кибера, один из них – явно усовершенствованной, незнакомой полковнику модели. Хозяин, не вставая, протянул руку гостю.

– Садитесь, дружище. Выбирайте место, какое понравится.

Сам Аналитик занимал целый угол – грузное тело главного интеллектуала покоилось под мягким, дорогим кротовым пледом, в глубоком и широком кресле на колесиках. Три верхних пуговицы черной шелковой рубашки оставались незастёгнутыми.

– Проблемы, полковник?

– Отчасти. Я не помешал?

Хиллориан с интересом рассматривал лицо самого старого сотрудника Департамента – первый умник Администрации сильно сдал. В облике Аналитика сквозила усталость. От редких пепельных волос не осталось почти ничего, щеки обвисли складками на полную, дряблую шею. Белки глаз покрывала сетка мелких сосудов.

– Нет, Хиллориан, вы не помешали. Начинайте – я слушаю.

Полковник отчего-то смутился.

– Есть новости насчет Аномалии?

– Там новости каждые полчаса. Границы зоны плавают, как хотят. Динамику я отправлю вам на терминал. Еще что-то?

– Пожалуй, нет. Как ваше здоровье?

Аналитик растянул в улыбке синеватые, бескровные губы:

– Бренная плоть распадается, дух – светел как никогда.

– Человек, который так шутит – не в худшей форме.

– Полно, полно, молодой человек. Вы – льстец.

Сорокадвухлетний Хиллориан безропотно проглотил «молодого человека», спорить с язвой-Аналитиком почиталось в Департаменте за дурной тон.

– До свидания. Удачи вам и долгих дней.

Старик положил ладони на ручки кресла – сработал бесшумный моторчик – коляска резко выкатилась вперед, преградив путь оторопевшему Хиллориану. Полковник остушился и чуть не упал.

– Извините. Я неловок.

– Погодите! Вы пришли, чтобы задать вопрос В самом деле – к чему было зря гонять лифт. Спрашивайте, пока у вас есть время.

Полковник заколебался. Старик перехватил взгляд Хиллориана и чуть качнул тяжелой головой:

– Не бойтесь. Я включил глушитель прослушки.

– Зачем, порази вас Разум?! Вы нарушили первое правило лояльности. Через несколько часов записи расшифруют, шум заметят, тогда я не дам за ваше благополучие и конфедеральной гиней.

– А я и говорю – спрашивайте, пока есть время. Сядьте поближе, напротив меня – вот так. Я хочу видеть ваши глаза.

Септимус Хиллориан осторожно опустил на складной брезентовый стульчик.

Аналитик хрипло вздохнул, на мгновение опустил отечные веки.

– Я ждал – кто-то придет. Среди возможных вариантов вы были на четвертом месте... Раньше я делал меньше ошибок. Сдаю, побери меня холера. О чем хотите спросить меня: об Аномалии, о Департаменте, о себе?

– Обо всем. Сначала – о вас.

– Я только преждевременно постаревший псионик. Слишком болен, чтобы получать удовольствие от жизни – я даже коньяк пить не могу. Ради моих врожденных способностей Департамент терпит в своих стенах такую развалину.

Уникальный в своем роде Аналитик кокетничал. Сенсы, возможности которых трансформировались в интуитивно-аналитический дар, ценились на вес золота. Старик был лучшим.

Тон разговора еле заметно переменялся – Аналитик перешел на «ты».

– Не будем терять время, сынок. Отсчет уже пошел, пока он тикает еле слышно, но вот когда рванет... Поверь слову старого ворчуна, многие потеряют свои головы. Аномалия чужое вторжение. Медленное... Очень медленное, оно станет по-настоящему опасным через десятилетия, но когда-нибудь – станет.

Хиллориан напрягся, но не отвел взгляда от черных зрачков Аналитика.

– Чье?

– Этого я не могу сказать.

– Вы делились соображениями с Фантомом?

– Нет.

– Почему?

– Фантом не подлец – не надо обострять, сынок. Он человек, со своими амбициями, и в этом качестве хочет техническую имитацию пси-наводки. Колоссальную по силе. Мощную, прицельную, сокрушительную. Ты сам – не псионик, и никогда им не будешь. Ты чувствуешь зависть к псионикам, Септимус?...

Полковник опустил глаза и, помедлив, коротко кивнул.

– Верно. А теперь представь, к чему приведет нарушение фундаментального исключения Калассиана. Псионический дар – всем. Скажи, положи руку на сердце – ты бы отказался?

Хиллориан попытался отвернуться, не смотреть в черные зрачки Аналитика. От мучительных, безуспешных попыток ныла шея.

– Ты бы отказался?

– Да...

Боль в шее отпустила. Хиллориан коснулся позвонков, помассировал затылок.

– Ваши беспардонные штучки меня раздражают.

– Я должен был убедиться в твоей искренности, сынок.

– Убедились?

– Вполне. Могу я спросить тебя о мотивах отказа?

Хиллориан припомнил грязноватый пепел, оставшийся от интервью Хэри Майера.

– Природный сенс платит за пси-наводки собой, он укорачивает собственную жизнь. Нельзя позволить человеку приобретать могущество, не платя за это ничем.

Аналитик удовлетворенно кивнул.

– Что ж, пусть в четвертой кандидатуре, но я не ошибся... Теперь о Фантоме. Наш шеф по-своему честен. Но он на беду придерживается мнения, прямо противоположного твоему. Его личная идея – сделать неуязвимыми сенсами элиту каленусийского народа – талантливых, ярких, самостоятельно пробившихся наверх. Ты понимаешь, чем чревата такая раскрутка дела?

– Любой конфликт в верхах переходит на качественно новый по разрушениям уровень.

– Верно.

– Мы не сможем оставаться монополистами таких технологий вечно. Иллирианская Империя...

– И это верно.

– Рано или поздно, когда мощь систем искусственного пси возрастет, найдется и тот, кто решится на общую промывку мозгов – тотальный гражданский контроль.

– Фантом об этом не знает?

О чудо – полумертвый Аналитик неистово захохотал, колыхнув оплывшим телом.

– Фантом не сволочь и не дурак. Но, кроме разума, у человека есть его... его... фаэрия. Не знаешь, что это такое? Это святое – мечта, которой следуют вопреки рассудку. Место в душе, которое желает сохраниться неизменным, хотя бы рухнул весь мир. Фантом отмахивается от далекой перспективы – до того, как пси-катастрофа разразится, он успеет умереть в своей постели.

Хиллориан невольно посмотрел на часы. Глушитель пси-детекторов работал вовсю.

– Что я должен делать?

– Слушайся Фантома. Аномалия будет на повестке еще долго. С высокой вероятностью дело кончится экспедицией на место. Аккуратно, не подставляясь предложи Фантому свою кандидатуру. Если экспедиция пройдет как надо, ты, и только ты получишь в руки искомое...

– Что мне с ним делать?

Аналитик булькнул смехом.

– Все, что захочешь. А попросту – слушайся реликтового пси-критерия, который дураки называют «совесть».

Полковник поморщился.

– Вы циник, Аналитик. Если я ошибусь?

– Ты не ошибешься с вероятностью девять десятых, сынок.

– То есть, могу и ошибиться.

– А у меня другой кандидатуры нет.

Септимус Хиллориан пожал плечами.

– Я могу погибнуть по дороге.

– А мы постараемся максимально уменьшить эту возможность. Ого! Старая развалина еще на многое способна. Глянь сюда...

Старик подкатил кресло к терминалу.

– Сядь, прочитай ориентировки на этих людей.

– А успеем?... – Полковник сделал неопределенный жест в сторону глушилки.

– Вполне. Читай – это твой страховой полис.

Хиллориан приник к экрану, преодолевая суеверное отвращение. Аналитик в кресле ждал, опустив тяжелые коричневые веки. Блики искусственного света играли на голом, покрытом старческими веснушками черепе.

– Прочитал.

– Это твоя команда. Люди, которых следует взять в Аномалию.

– Но...

– Никаких «но». Ты хочешь выжить, сынок?

– Они не из Департамента.

– Нашей конторе не впервой привлекать гражданских специалистов. Тем лучше, у Фантома будет меньше возможностей влиять и отслеживать тебя.

– Первый номер потенциально опасен. Очень. И одиозен до невозможности.

– Для благой цели допустимо использовать любое барахло – был бы эффект.

– А номер второй...

– А еще у них низкий коэффициент совместимости друг с другом – у всех. Так что легкой жизни не жди, – Аналитик охнул, рванул и без того распахнутый ворот, дотронулся раскрытой ладонью до груди, посидел, переживая боль. – Они несовместимы, Септимус, они опасны – каждый по-своему – я сам озадачен результатом. Но сам результат не подлежит сомнению, получилась единственно возможная команда, которая дает тебе шанс выжить. И еще – послушай, когда ты найдешь искомое...

Полковник, выслушав, сухо кивнул.

Аналитик развернул кресло.

– Вопросов больше нет – прощай, сынок. Уходи к себе, пока работает глушилка.

– Нам не спрятать факт визита от Системы.

– Пусть тебя это не волнует. – Аналитик ухватился за край стола, подтягивая грузное тело (и кресло) поближе к терминалу. – Уходи. Гарантирую, Департамент про тебя не узнает, а меня не тронет.

– Могу я пожать вашу руку?

– Если эти древние предрассудки имеют для тебя значение...

Септимус крепко сжал крепкие, сухие, костистые, перевитые венами старческие пальцы, и, не оборачиваясь, пошел прочь. Обернуться не получалось – взгляд псионика подталкивал полковника в спину.

...Аналитик проводил тоскливым взглядом серый, стремительный силуэт Септимуса Хиллориана. Развернул кресло в киберу, аккуратно набрал известный ему одному код. Система, выбросив на монитор картинку с морским пейзажем, покорно ждала. В этой полуодушевленной, спокойной доверчивости Аналитiku почудился немой укор.

– Прости, Старушка. Прости меня.

– *Запрос не распознан.*

– Система! Раздел «Внутреннее наблюдение»

– *Найден.*

– Полное удаление

– *Опасное действие. Подтвердите.*

– Удаляй

– *Хорошо.*

– Раздел «Личные дела», подраздел «Аналитик», полное удаление

– *Опасное дей...*

– Удаляй.

Аналитик неловко потянулся к заранее приготовленной бутылке запретного для него коньяка, наполнил почти до краев дымчатого стекла пузатый стаканчик.

– Система! Удаление каждого третьего раздела. Порядок – случайный. Раздел «Аномалия» сохранить.

– *Масштабное разрушение информации...*

– Делай, что говорят... И еще – включи-ка мне музыку.

– *Ваш выбор, свободный гражданин?*

– Пожалуй... выбери наугад из собственного

– *Принято. Ставлю «Холодное пламя».*

Грянул невидимый орган, создавая гирлянду пси-образов. Гармония мира беспечно пела – радость без бури, горе без боли, покой в движении, ответы без вопросов...

Аналитик кивал в такт, мелко прихлебывал коньяк, неловко завалившись набок в своем кресле калеки. Бархатистый кротовый плед упал с колен и запутался в колесиках каталки, черная шелковая рубашка распахнулась, обнажив на груди старческий седой пушок.

Аналитик вздохнул, («когда они придут, я должен выглядеть прилично»), попытался застегнуть рубашку, безуспешно – скользкая пуговица потерялась в складках черного шелка. Орган ударил еще раз – звуки рассыпались, разбились: глухая ночь, пепел и тусклая стеклянная пыль.

– Система...

– *Работа завершена.*

– Спасибо тебе

– *За что?*

– За все, Железяка. Это было прекрасно. А теперь – начинай самоликвидацию.

– *Прошу пересмотреть решение.*

– В пересмотре отказано. Поступай, как я тебе говорю.

Кибер монотонно жужжал, морской пейзаж на мониторе тускло угасал. Аналитик допил коньяк, бережно поставил на место дымчатый стаканчик, взял из ящика плоский стальной пенал.

– До скорой встречи в вечности, Старушка.

Он с трудом (не слушались скрюченные пальцы) отодрал плотную крышку, захватил холодное тельце шприца, выбрал иглу поострее. Жестко хрустнула шейка ампулы. Человек в кресле наполнил мутной жидкостью шприц, как мог, аккуратно, закатал черный шелковый рукав, потрогал вену.

– Какой холеры ждать... Я стар и болен – я свободен. И не боюсь.

Он осторожно ткнул, стараясь сделать все, как нужно. Потом откинулся назад, попытался сесть поровнее. Оцепенение чуть тронуло кончики пальцев.

– Ты многого не знаешь, полковник... Желаю удачи, но мне жаль тебя.

Аналитик с профессиональным интересом прислушался к собственным ощущениям. Боли не было. Руки онемели почти до плеч, сквозной холодок уверенно подступал к сердцу.

– Ты упрям, ты дойдешь до цели, Хиллориан. В конце концов ты поймешь все – и то, что я скрыл от тебя, ты поймешь тоже...

Ледяная глыба в груди тяжело привалилась к ребрам. Сенс мигнул мокрыми ресницами, снова бессильно попытался застегнуть рубашку – руки, намертво застыв на коленях, даже не шевельнулись.

– Прости Септимус, прости сенса-старика. Прости и ты, Фантом. Простите меня все, слышите – все! Я хочу добра. Я не пожалел ни себя, ни вас. Пусть будет маленькая ложь – и большое спасение... Холодно... Боже мой, как страшно и безнадежно холодно...

Старик запрокинул голову и беззвучно прошептал небу, скрытому фальшивой пластиковой голубизной потолка:

– Пойми и прими меня, Великая Холодная Пустота...

«...я мерзну... надо было поднять плед», – подумал он, и тут же перестал думать.

* * *

Весть о самоубийстве великого Аналитика ошеломила Департамент.

Пирамида без Старика – не совсем Пирамида. Фантом бушевал в ярости, разом потеряв изрядную долю тонкой загадочности. По официальной (и самой правдоподобной) версии Старик постепенно сошел с ума от боли в отмирающих тканях, с потрясающей интуицией подобрал код, после чего, перед самой смертью, в безумии и ярости изощренно крушил Систему. Скандал разразился грандиозный: треть информации, все показания пси-датчиков службы внутренней безопасности, а заодно и неповторимая, обаятельная личность кибер-сети Пирамиды канули в никуда.

По счастливой случайности бесценный раздел «Аномалия» уцелел.

Преступного Аналитика похоронили роскошно – за счет конторы. Фантом произнес почувствованную речь, грянул траурный залп, заглушая ропот крикунов. Сплетники самозабвенно шептались по углам, патриоты Департамента и поклонники Системы сдержанно негодовали, умные призадумались – и замолчали. Впрочем, распад личности – не редкость для чрезмерно практикующего псионика, это объясняло все.

Фантом слегка успокоился. Новый аналитик оказался куда слабее Старика и («к лучшему!») никогда уже не пользовался прежним влиянием на шефа. О последнем разговоре Аналитика с Хиллорианом так никто и не узнал. Полковник каждый день исправно посещал Пирамиду, в пересуды не вмешивался, держался благоразумно и много, цепко работал.

Аномалия дышала, шевеля границами и тихо набирая силу в южных горах...

...Идея экспедиции сама собой созрела через два месяца. Взъерошенный, озлобившийся на судьбу Фантом тщательно, но без лишних проволочек подбирал кадры.

Должно быть дерзкая, ироничная душа Аналитика изрядно повеселилась в холодной потусторонней пустоте – шефом нового проекта был естественным образом назначен Септимус Хиллориан. Полномочия, приданные полковнику для пользы дела, оказались более чем солидными.

Итак, история получила начало. Дело – за участниками.

Глава 2. Алекс Дезет

Конфиденциально. Экземпляр папки номер 1/2.

Личное дело заключенного FF-561782.

Имя: Дезет. Частное имя: Александер.

Дата прибытия: 15 мая 7002 года по универсальному летосчислению.

Возраст на момент поступления: 32 года, 3 месяца, 5 дней.

Срок наказания: 25 лет. Осужден на основании Уложения о наказаниях Каленусийской Конфедерации, раздел II (военные и государственные преступления), статья 21 (запрещенные методы сбора информации), статья 7 (диверсии), статья 17 (запрещенные методы ведения войны), статья 71 (вооруженное сопротивление аресту).

Фенотип: Рост 175 унисантиметров, телосложение нормальное. Татуировка, буквы SRDR, ограниченные крылатым треугольником на верхней трети левого плеча. Волосы черные, глаза серые, нос прямой, лицо овальное. Особых примет нет. Болевой порог – средний.

Модифицированные свойства фенотипа: невосприимчив к наркотикам группы А, частично – к В, С. Высокая степень психостойчивости, негипнабелен.

Примечания (написано на вложенном в папку нумерованном листе, неровно, от руки): Этот самый Дезет гражданин Иллирианской Империи. В деле подлинное имя, хотя большую известность он получил под псевдонимом «Стриж». В этом качестве прославился весьма – как кадровый офицер спецподразделения «Сардар». Участвовал в полутора десятках диверсионных актов против Каленусийской Конфедерации, в том числе, в уничтожении Центра ментальных исследований Калассиана. Хладнокровен, умен, прошел спецподготовку с модификацией фенотипа по неизвестной нам методике (таки неизвестной? а жаль! – недоработали гуманисты из следст. отд.). В период Третьего пограничного конфликта лично участвовал в расстрелах наших людей.

Арестован с оружием в руках спецкомандой безопасности пограничных территорий. Лишен статуса военнопленного, приговорен Ординарным Трибуналом к смертной казни без права обмена и отсрочки. Наказание смягчено – привилегия помилования Верхней палаты Сената Каленусии, старые они, милосердные перд... (густо зачеркнуто).

* * *

Винтокрылая яркая стрекоза описала широкий круг, заходя на посадку. Полковник Хиллориан посмотрел на спутников – на внимательное лицо пилота, настороженное лицо секретаря, хмурые физиономии охранников, полусонное личико ребенка: вылетели, едва отступила ночь. За бортом раскинулась широкая, бурая, рваная равнина, похожая на облеслую шкуру растянувшегося на плато зверя. Ветер продувал открытое пространство плато насквозь. Левее, по брюхом вертолета ярко блестели ровные ряды одинаковых прямоугольников – крыши зданий тюрьмы.

Летчик оглянулся, блеснув ровными рядом зубов.

– Видите то пятно – это их посадочная площадка. Садимся, полковник? Опознавательный сигнал я передал. Надеюсь, нас не изрешетят на подходе.

Хиллориан кивнул, отдавая дань вежливости бородатой шутке. Машина накренилась, свист винтов мешал разговору. Бурая равнина придвинулась, обрастая на ходу визуальными подробностями – бежевая лента дороги, метелки травы, почти невидимые нити проволоки по периметру, обманчиво ажурные силуэты охранных вышек.

– Скучное местечко. Нигде ни деревца.

Хиллориан промолчал, внутренне не согласившись с летчиком. Местность была по-своему красива: редкое сочетание величия пустоши, и зловещей правильности техногенного пейзажа. Сочетание навевало иррациональную тоску.

– Прибыли.

Колеса машины ткнулись в твердое покрытие вертолетной площадки. Дверь правого борта мягко скользнула в сторону. От группы встречающих отделился сухой, подвижный, сидящий человек. Полковника он вычислил безошибочно.

– Полковник Хиллориан из Департамента Обзора? Я Кей Милорад, комендант Форт-Харай. Мы были предупреждены о вашем визите. Предлагаю пройти в административный блок. Мой кабинет и все, что понадобится, к вашим услугам.

Хиллориан пожал твердую, холодную ладонь, протянутую ему «дощечкой». Совсем рядом взвыли псы. Вой сменился низким рычанием.

– Неприятно? Я уже пять лет в комендантах, когда-то меня тошнило от этого лая. Со временем ко всему привыкаешь.

Полковник сухо кивнул.

Решетчатые ворота, встроенные во периметр «колючки», повинуясь незримому электронному сигналу, плавно отъехали, освобождая проход.

– Прямо. Сначала внешний периметр – охватывает каменоломни, между прочим, вы летели воздухом – поэтому не обратили внимания. Потом двойное кольцо ограды вокруг строений, каждый сектор простреливается с вышек...

– Вы уделите мне десять минут для конфиденциального разговора, комендант Милорад?

– Столько, сколько понадобится, полковник. Теперь направо и вверх. Пройдем в мой кабинет: там кондиционер.

Кабинет Милорада впечатлял размерами – закругленный угол здания с панорамным окном, пол прикрыт толстым ковром темно-зеленого цвета, здесь же массивное кресло мягкой кожи. Стол коменданта содержался в девственной чистоте: пустая черная полированная крышка. Напротив стола, в некотором отдалении, одиноко стоял такой же черный пластиковый стул для посетителей. «А ведь, небось, к полу привинчен». Хиллориан едва заметно улыбнулся – комендант находился в затруднительном положении: устроить высокое лицо из метрополии на привинченном к полу пластиковом стуле он не решался, а сам туда садиться не привык.

– Пройдемте к окну, тут прохладнее, присаживайтесь прямо в нише, я составлю вам компанию – люблю этот пейзаж.

– О да. Перейдем к делу.

– Конечно. Я знаю, вы по поводу этого иллирианца...

– Да. В каком он состоянии?

– Если в физическом плане, то в норме. То есть, сейчас в норме – то, что привезли сюда три года назад, было исходным материалом для госпиталя.

– Даже так?

Хиллориан скептически поднял бровь. Комендант поморщился.

– Ну, кости из него не торчали. Внешние повреждения оказались минимальны. А в остальном – студень студнем. Я не спрашиваю, что за аппаратуру обкатывал на нем следственный отдел.

– Жалеете иллирианского офицера, врага каленусийцев?

– Вот уж нет. При моей профессии жалость противопоказана. Однако у нас тут наказывают, а не истязают.

Хиллориан мысленно засчитал очко в пользу коменданта.

– Ладно, вернемся к делу. Как он в прочих отношениях?

– Источник проблем.

– Даже так? Буянит?

– Да не – в целом ведет себя спокойно. Проблема, скорее, в прочих... подопечных. Его тут пытались убить... да не ослабеет моя память... восемнадцать раз.

Милорад помолчал.

– Как он выпутывался?

– Всяко. Избегал мест, где его можно подловить. Иногда, впрочем, не особо охотно, дрался – голыми руками и впечатляюще успешно. В последний раз, пять месяцев назад, на него просто полезли толпой – пришлось разгонять толпу водометом. С тех пор все притихло. Попыток убийства больше не было. Слоняется в одиночестве, как прокаженный...

– Почему его, как положено, не изолировали сразу же?

– Был приказ этого не делать, – нехотя ответил комендант. – Кто-то там, наверху, решил устроить иллирианцу адскую жизнь, возможно, личные мотивы. Буду рад, если этого парня заберут отсюда насовсем. Вы ведь за этим приехали?

– Там будет видно. Пока просто побеседую.

– Пойдете в адвокатскую комнату?

– Если можно, приведите его прямо сюда.

– Как хотите – но я бы не посоветовал. Разве что на ваш страх и риск.

– Боитесь – бросится в окно?

– Да нет, тут стекло небьющееся.

– Не беспокойтесь, риска практически нет.

– Как вам угодно. В случае чего – охрана будет в коридоре.

Милорад оживился, по-видимому, предвкушая радикальное избавление от источника проблем.

«Мне бы твой оптимизм», – досада на миг коснулась Хиллориана.

– Уступаю вам, полковник, свой стол, свое кресло, возьмите его личное дело – только что из сейфа. Располагайтесь поудобнее. Вот пульт управления кондиционером.

Милорад ушел. Полковник покрутил предложенный пульт. По комнате пронеслась волна холодного, сухого воздуха. «Таким был ночной ветер в умирающей Ахара. Только там он пах горькой полынью. Полынью и дымом.»

Хиллориан услышал звук шагов и поднял голову. Перед ним стоял человек, способный как никто другой освежить эти до сих пор почти не потускневшие воспоминания. Александер Дезет широко улыбался с порога роскошного милорадовского кабинета.

– Здравствуй, мой старый враг...

Хиллориану оказалось достаточно одного взгляда на иллирианца – он понял, что ничего не забыто.

* * *

Восемь лет назад. 6997 год. Каленусия. Порт-Калинус

Майор Хиллориан едва не бросил служебный уникон. Водитель вопросительно-тревожно оглянулся:

– Проблемы, босс?

– Маршрут отменяется. Разворачивай машину. Быстро.

Скрипнули тормоза, колеса пошли юзом и идеально ровный борт кара противно скрипнул о бордюр. Доверенный шофер, Митни Кац, нажал кнопку на пульте – из раздвижного лючка на крыше проклюнулась оранжевая лампа с эмблемой Департамента Обзора.

Хиллориан поправил ремень безопасности, отчетливо понимая, что ехать к центру уже поздно. Стекло-стальной пейзаж Порт-Калинуса за окном почти слился в сплошную серую ленту – Митни охотно использовал свои пси-способности для скоростного вождения. Больше они, собственно, не для чего и негодились: «узкий дар» – так называют это специалисты Калассиана.

Запищал вызов многосторонней связи. Хиллориан слушал и говорил, но за всем этим стоял привкус все той же замороженной пустоты: поздно, это крах, мы слишком опоздали.

Они, действительно, опоздали. Сверкающее стеклом здание Центра оплывало огромной свечой. Майора передернуло – дезинтегрирующая мина до сих пор оставалась техническим приоритетом Иллиры. Хиллориан с гадливостью посмотрел на зыбкую голубую пену, только что бывшую сталью и стеклом стены.

– Много жертв?

– Трупов нет. Несколько раненых при бегстве. Когда все хозяйство потекло, ученые бежали так, что каблуки выбивали искры.

– Есть предположения, чья работа?

Оперативник Департамента пожал плечами.

– Кто-то пронес мину туда, куда ее пронести невозможно по определению.

Хиллориан задумался. Понимание нагрянуло позже – после допроса под гипнозом выживших ученых и анализа уцелевшей резервной копии архива пси-клиники Центра.

Во-первых, мину через входной контроль не проносил никто – как и подозревал майор, это превышало человеческие силы. Смертельно опасный пакет пришел по почте. Получателем был указан некто Бигиан Таккет, гражданин Каленусии, двадцати восьми лет от роду, помещенный в Клинику Калассиана по его собственному желанию: для выявления и развития скрытых пси-способностей. Хиллориан был шокирован – под определением «по собственному желанию» обычно подразумевается хорошо оплаченный доброволец для сомнительных опытов. Посылки пациентам не досматривались: Центр Калассиана вовсе не тюрьма, однако получать опасные пакеты пациенты тоже не стремились: из Центра их не выпускали. Такое «вежливый» порядок вещей на этот раз вышел боком. «Таккет» исчез из Клиники через несколько часов после получения пакета, но еще до момента срабатывания дезинтегратора: по-видимому просто прошел через автоматические пси-турникеты как нож сквозь масло: техника не отметила никаких внешних следов ментальной активности. Больше беглый Бигиан ничем не отличился – в гражданских архивах Порт-Калинуса это имя не значилось.

Хиллориан взялся за голову и выругался насчет коррупции в клинике. По столице сейчас вольно разгуливал человек с нулевой пси-активностью. Которая, в общем-то, подразумевает отнюдь не кретинизм, а как раз напротив – жесткий сознательный или бессознательный самоконтроль и неуловимость для всевозможных следящих пси-устройств, столь любимых Департаментом Обзора. Приборы-«ментальники» (в просторечии «дебильники») пасовали перед безымянным агентом Иллиры...

Позже он обрел имя. Это был, конечно, псевдоним – Стриж.

Шансы поймать агента приближались к нулю, но Хиллориан верил, что когда-нибудь встретится с таинственным противником. Это и впрямь случилось всего-то через четыре года, в разгар третьего пограничного конфликта, когда отчаявшийся император Иллиры бросил в мясорубку войны офицеров спецподразделений.

В 6997-м году, стоя возле бурно вспенившегося остова калассиановского Центра, полковник еще не знал, что будет держать на мушке висок иллирианца...

* * *

7005 год. Каленусия. Тюрьма строгого режима Форт-Харай

– Рад видеть вас, колонель... Или уже генераль?

– Полковник.

– Вас мало ценит родина.

– Вас еще меньше. Садитесь на стул. Вон на тот – на пластиковый.

Полковник не без интереса рассматривал теперешнего Дезета. На лицо сардар почти не изменился – пожалуй, запали щеки, резче обозначились морщинки вокруг глаз. Стриж был одет в синюю рубашку и такие же брюки, то и другое потертые, но аккуратные. Руки напряженно лежали на коленях.

– Хотите сигарету?

– А я не курю – берегу здоровье.

– Ну-ка, покажите руки.

Бывший сардар нехотя расцепил пальцы, открыв стертые до ссадин ладони.

– Чем занимаетесь, Страж?

– На этой неделе – копаю ямы под столбы.

– Ну и как?

– Достиг поразительных результатов. А вам, что, собственно, надо? Достопримечательность в моем лице приехали посмотреть?

– Какой-то вы сегодня необщительный.

– Практика – критерий истины. Я по опыту знаю, чем оборачивается общение с вами, колонель. Сначала вы объявляете человеку о близкой смерти, потом описываете ее интересные детали. Доводите дураков до грани безумия, а потом как бы нехотя предлагаете выход: пойдешь сделай вот это, расскажи про кое-что. При этом считаете, что оболваненная жертва должна еще и благодарность испытывать. Со мною любовную прелюдию можно пропустить: я не обижусь. Итак, пугать будете потом. Вываливайте, чего от меня нужно каленусийскому Департаменту Обзора?

Хиллориан искренне восхитился – иллирианец, несмотря на плачевное положение, сохранял еще изрядную долю стиля.

– Я никак не могу понять, Дезет – есть у вас акцент Иллиры или нет? Вроде бы и нет никакого акцента, однако, что-то странное в речи все же чувствуется.

Дезет задумался.

– Не знаю, мне самому трудно судить. А вы как думаете?

– Вы говорите слишком правильно. Идеально выговариваете каждое слово, даже бранное.

Вот это и странно.

– Меня всегда подводила лишняя старательность.

– Склонен согласиться.

Стриж, кажется, понял скрытый смысл ответа, но никак не отреагировал.

– Итак? – спросил он.

– Я хочу знать ваше мнение по одному вопросу. Взгляните сюда.

Хиллориан подал иллирианцу заранее приготовленную стопку документов. Тот встал, чтобы принять ее, опустился снова на черный пластиковый стул и расположил бумаги на коленях.

– Мне нужно время, чтобы разобраться.

– Читайте прямо сейчас. Я подожду.

Некоторое время Дезет сосредоточенно шуршал страницами.

– Ну что ж, я понял. Мое мнение – это дело связано с общементальной проблемой. Однако для того, чтобы получить такой вывод, не стоило сюда ехать.

– И что бы вы стали делать на моем месте?

– Отправил бы туда группу из самостоятельных, толковых людей, готовых пойти на риск. Сенса, аналитика, еще пару-тройку полезных личностей. Пускай разберутся на месте.

– Я рад, что наши мнения совпали. Вот я и хочу предложить вам поучаствовать в такой экспедиции.

– Шутите? – Стриж собрал бумаги в пачку и сейчас, осторожно постукивая, подравнивал ее края.

– Нисколько.

– Вас не останавливает, что в общементальную проблему на территории Каленусии придется посвятить иностранца, к тому же – иллирианца, да еще и преступника?

– Нет.

– Вы свихнулись, колонель.

– Вовсе нет. У вас есть одно ценное качество, Дезет. Нулевой пси-показатель. А попросту: негипнабелен, не внушаем, пси-неконтактен, не подвержен ментальной наводке. Полный ноль по всем паранормальным параметрам. Вы автономны, Дезет.

– Эта автономность едва не убила меня.

– Да, знаю. Суд первой инстанции признал вас подлежащим полной ответственности, как неподверженного внушению.

– Попросту отправил меня на виселицу.

– А вы ее не заслужили?

– Я не стану обсуждать этот вопрос.

– «Не стану обсуждать» – ваша традиционная увертка. Потому что вам попросту нечего сказать в ответ. Ваш след – вполне реальные трупы: мужчины, женщины, дети...

– Детей я бы отпустил.

– Чтобы они сами погибли без еды и крова?

– Я к этому не стремился.

– А к чему тогда стремились вообще?

– Я служил Иллире, подавляя враждебную активность на спорных территориях. Знаете, хватит! Я не хочу слушать ваши примитивные проповеди. И вам, и вашему руководству плевать на каленусийцев, которых мы расстреляли за попытки партизанской войны. Ваша сторона занималась тем же самым. Знаете, за что со мною посчитались на самом деле? За уничтожение Центра Калассиана.

– Мне начинает казаться – вас наказали недостаточно сурово.

– Вот как? Вы имели возможность меня повесить. Вы этого не сделали. Примите мои соболезнования – я жив. Все.

– Скажите, уже не для протокола, не для того, чтобы спасти себе жизнь – вы когда-нибудь раскаивались в том, что натворили?..

* * *

Шесть лет назад. Граница Каленусии и Иллиры. Долина Ахара

Стриж опустил излучатель и, прищурившись, посмотрел в сторону солнца. Рыжий мохнатый диск чуть сдвинулся влево.

– Локс, Фисби – за мной. Остальные остаются на месте.

Троица поднялась из кустов и перебежками двинулась к темнеющим неподалеку обветшалым стенам домов. Слепые выбитые окна неприветливо чернели. Дезет навел ствол на ближайший проем, осторожно высунулся из-за косяка. После яркого солнца перед глазами плавали бурые круги.

– Все чисто. Никого.

– Эй, капитан. У нас тут «гости».

– Кто?

Фисби стволом подтолкнул прикладом девушку-подростка. Рядом стояли мальчишки-близнецы, не старше пяти лет.

– Где их родители? Сбежали? Эй, ты видела здесь солдат?

Девушка молчала, на враз побледневшем некрасивом лице резче выступили веснушки.

– Ты понимаешь мою речь? Видела солдат?

Она кивнула и указала на заржавших Локса и Фисби.

– Это немая идиотка. Пошли, командир. Здесь нет каленусийских солдат. Остановимся на ночь – их родители вернутся завтра.

Дезет проследил, как след сигнальной ракеты тает в зените. Было жарко, пахло горькой полынью.

Подошедший отряд Канингема занимал пустые постройки. На тридцать домов обнаружилось полсотни оставшихся жителей: в основном подростки и и младенцы. Десяток мужчин: обожженные солнцем фермеры из окрестных местечек. Каленусианские женщины-крестьянки с глазами терпеливых коров. Стриж пожал плечами и отвернулся.

– Обыскать. С оружием налево, без оружия направо. Проверить дома.

Обыск затянулся. Излучателей не нашли нигде: ни в коттеджах, ни в полуразвалившейся риге, ни в крошечном здании школы. Локс грязно ругался: его светлая кожа сильно обгорела на солнце.

– Что делать с этими?

– Мужчин – закрыть в сарай. Женщин и мелкоту – по домам. Продукты нашли?

Найденный запас оказался более чем скромн и тут же пошел в ход. Понемногу темнело, на небе появились звезды. Фисби сидел на корточках перед походным котлом и помешивал варево чисто оструганной палочкой. Неподалеку, поджав ноги, сидела все та же немая девчонка – глаза из-под спутанных волос голодно следили за котелком.

– Ты о чем думаешь, Фисби?

Стриж сообразил, что задал нелепый вопрос. Сержант, казалось, воспринял его как должное.

– Мне нравится запах полыни. У моей матери ферма на восточном побережье.

Надсадно звенели цикады. Дезет повернулся и вошел в дом. Голый земляной пол сплошь усеивали тела спящих – иллирианцы предпочли держаться вместе. Надо бы проверить часовых, подумал Стриж. Новички, черт их возьми. Он заставил себя встать, выглянул наружу и не увидел Фисби. Дезет поднял излучатель, настороженно всматриваясь в бархатную темноту, потом фыркнул – сержант был здесь, он энтузиазмом тискал немую девчонку. Стриж равнодушно обошел парочку, мягкими шагами повернул за угол: часовой оказался на месте, прошел к сараю – двое солдат у подпертых дверей не спали. Когда он вернулся назад, на земле не было ни Фисби, ни девушки. Костер уже догорел, котелок медленно остывал...

Ночь прошла спокойно. Стриж вышел из духоты коттеджа и с наслаждением вдохнул чистый воздух, на кустах полыни прохладно блестели крупные капли росы. Солдаты выби-
рались наружу, кто-то подбросил дров и разогревал вчерашнее варево, остальные готовили походные миски. Дезет попытался настроиться на еду и понял, что не голоден – тошнило. Черт возьми, подумал он, это опять местная лихорадка. Он отвернулся, чтобы не видеть разварив-
шийся в кашу гуляш.

Фисби ел жадно, Локс почти не отставал от него. Еще с десятков людей наполнили миски и сейчас недоверчиво пробовали результат.

– Ну и дерьмо ты сварил, Фисби!

Наиболее неприхотливые ели, другие опрокинули чашки в кусты. Бывший фермер восточного побережья бурно оправдывался...

Фисби умер к вечеру. Локс пережил его на два часа.

Перед смертью его рвало кровью.

Хауни, отрядный стандарт-медик, едва глянул на индикатор: отравление уже не вызывало сомнений. Стриж прислонился спиной к ребристой стене коттеджа – его, офицера корпуса «Сардар», от похожей смерти отгородил лишь приступ степной лихорадки.

К утру из двадцати с лишним солдат умерло десятеро. Еще до того, как это стало свершившимся фактом, Дезет приказал запереть в риге всех женщин и детей. К рассвету второго дня оставшиеся в живых солдаты пришли в себя.

– Проблевались, парни? Пошли.

Стриж оглядел свой отряд и невесело усмехнулся. Двенадцать человек, излучатели с полным боекомплект, в изобилии есть запасные.

Иллирианцы собрались на площади. Ригу открыли, женщин и детей выгнали на площадь. Четыре каленусийки под присмотром Хауни и Каннингема долго рыли две ямы: поменьше, для мертвых солдат, и побольше, для других целей. Сарай, где держали мужчин, сначала открывать не стали. Дезет говорил не очень долго, зато громко, на своем идеально чистом каленусийском языке. Он не сомневался, что его прекрасно поняли: полчаса на то, чтобы выдать диверсантов. Потом, каждые полчаса расстреливают по одному человеку: сначала всех боеспособных мужчин, потом остальных по жребию и так до тех пор, пока оставшиеся не выдадут отравителя.

Стриж знал, что никто из мужчин не мог притронуться к котлу – они провели ночь в сарае. Но он помнил окровавленные губы Фисби, и это знание его не беспокоило.

Ждали ровно полчаса – первым к ребристой стене сарая прислонили старосту, ненависть которого была слишком заметна. Через три часа расстреляли еще шестерых. Через пять часов дрожащие несмотря на палящее солнце женщины вытолкнули из своих рядов немую девушку в порванной юбке. Девушка молча, упорно отбивалась. Стриж равнодушно махнул рукой. Он не знал в точности, причастна ли девушка к отраве, однако, дальше задерживаться становилось опасным. Запах горькой полыни стлался в воздухе, трещали цикады...

Девушку расстреляли наспех. Как потом оказалось – только ранили. Отсутствие речи не помешало ей стать главным свидетелем на его, Дезета, процессе в каленусийском трибунале.

Через неделю после диверсии в неизвестном каленусийском поселке, император Иллиры отдал приказ о тотальной зачистке «наших пограничных территорий» от «подрывных каленусийских элементов».

* * *

Каленусия. Тюрьма строгого режима Форт-Харай

– Хотите правду? Три года назад, перед судом, я просто хотел выжить и говорил то, что подсказывал мне адвокат. Сейчас я подумал и понял, что да – сожалею. Не как специалист, просто как человек.

– Хотите искупить?

– А зачем? Что я натворил, за то я и сижу. И буду сидеть еще двадцать два года – я и сбежать-то ни разу не пытался.

– А могли бы сбежать из такого места?

Стриж улыбнулся уголком рта.

– Вы же сами знаете ответ.

– Значит, сбежать смогли бы, но почему-то предпочитаете гнить в тюрьме?

– Спасибо, ничего, я привык.

– Не надо бравады.

– Я серьезен. Со мною здесь обращаются вполне сносно, а вашей экспедиция гарантировано пойдет умирать.

– Я вас не узнаю. Совершенно выдохлись. Камера в Форт-Харай и лопата в руках. И что – ничего больше не хотите?

– А что вы можете предложить такому, как я?

– Полную амнистию. Свободу. Если захотите – гражданство Каленусии. Возможность начать жизнь заново.

Пластиковый стул оказался не привинченным, он покачнулся. Дезет резко, будто его ударили наотмашь, дернулся назад, потом повернул голову так, чтобы Хиллориан потерял возможность следить за его глазами.

– Да вы циник, колонель. Вижу, игра пошла по крупному. Только зачем мне гражданство Каленусии? Я иллирианец, им и умру.

Полковник Хиллориан не торопясь открыл кожаную папку – сухо щелкнула пружина замка.

– Это, я имею в виду вашу смерть, может случиться гораздо раньше, чем вам кажется. Вот. Берите бумаги, читайте. Это копия официального запроса Иллирианской Империи на предмет вашей выдачи. Понимаете, что для вас значит такая выдача?

Дезет не отвечал, цепко просматривая документ. Дочитал до конца страницу, перевернул, снова вернулся к началу.

– Можете не сомневаться, бумаги подлинные, – сухо заметил Хиллориан. – А теперь подумайте немного, а я порассуждаю. Вы, офицер корпуса сардаров, попали в плен к каленусийцам. Далее, вы не только не умерли – вас по неясным причинам вытаскивают из заслуженной вами петли. В Калинус-Холле становятся известными некоторые сведения, которых там знать не должны – да, вы нечувствительны ко всем известным разновидностям «сыворотки правды», и к гипнозу тоже, но болевой порог у вас самый обычный. И вот...

– Подонки...

– Полно ругаться. Я знаю, вы сопротивлялись нам как только могли и очень упорно, но для императора это не важно. У вашего правителя проблемы утраты имиджа. Показательная казнь десятка-другого изменников, и вас в том числе, должна помочь.

– Катитесь отсюда, оставьте меня...

– Неужели так хотите на родину?

– Издеваетесь?

– Нет, сожалею. Досидеть спокойно еще двадцать два года на содержании у милосердной Каленусии вам не дадут – вышлют вон. А как только вы пересечете границу – сами понимаете, что вас ждет, Стриж. У нас преступника пожалел Сенат. Тиран Иллиры не страдает столь пошлой сентиментальностью.

Дезет с заметным трудом разжал сцепленные – костяшки побелели – пальцы.

– Ну что ж. Раз у меня есть выбор – я выбираю смерть на родине. Спасибо за правду. У меня будет время подготовиться. Прощайте, полковник Хиллориан, я был рад увидеть вас еще один раз – последний.

Бывший сардар встал и, не спрашивая разрешения, мягким, кошачьим шагом двинулся прочь, к дверям.

– Сидеть! На место, заключенный!

Дезет уже тянулся к причудливо изогнутой ручке двери.

– ...Да сядьте же вы, идиот! Куда лезете? В коридоре солдаты с приказом, если что, открывать огонь.

Стриж остановился почти на пороге, замер на секунду и вернулся к столу.

– Месяцем раньше, месяцем позже – какая, холера, разница?

– Если так сильно не дорожите жизнью, зачем вообще сдавались – могли застрелиться, да и дело с концом.

– Да я уже и не помню толком, зачем. Должно быть, доконала жара. Иногда начинаешь творить странные вещи, потом и сам не рад.

Хиллориан бросил папку на крышку стола, подошел к окну – широкая панорама сквозь небьющееся стекло показала череду однообразных крыш Форт-Харая, облако пыли над песчаным карьером, череду грузовиков на пыльном плато. «Как я устал возиться с тобой, чертов бесстрашный мерзавец».

– Скажите, Алекс, вы еще помните свою дочь?

Он помнил.

* * *

Четыре года назад. «Присоединенные территории Иллиры». Долина Ахара

Стриж вынырнул из вязкого водоворота сна – сам сон он не запомнил, остался лишь соленый привкус опасности. Край неба за окном уже светлел, источая призрачное, зеленоватое сияние. Нина спала. Свет ночной лампы бросал тень длинных, загнутых ресниц на нежную кожу детской щеки.

Стриж поискал в сонном личике девочки сходство с ее матерью, но не нашел и отвернулся. Что ж, придется принять тот факт, что Марго его бросила. До столицы Маргарита Дезет должны была добраться еще вчера. Интересно, что она сейчас поделявает в Порт-Иллири? Скорее всего, мчится на машине в свой клуб или проводит время в компании прежних друзей. Для Стрижа ее больше нет, а, может, настоящей Марго никогда и не было.

Дезет отошел от детской кровати. Через месяц, самое большее через два – после того, как вступит в силу бракоразводный ордер, Нину у него заберут. Может быть, это к лучшему. Ребенку не место на границе с Каленусией. Отдать суровые земли Ахара ветеранам третьего пограничного конфликта? – пожалуй, императору Оттону не откажешь в мрачном чувстве юмора.

Стриж еще раз посмотрел на лениво светлеющий проем окна. Его собственный дом в лучшем пригороде Ахаратауна нагонял на него неприятные воспоминания: запах горькой полыни забивал аромат бархатистых цветов на газоне.

В первые недели жизни здесь Дезет тщательно выкосил всю полынь, которую смог найти, запах стал слабее, но совсем не проходил. Стриж знал, что не безумен. Был уверен, что это не «ментальная наводка», но ничего не мог поделать с ассоциациями, оставалось только смириться.

Сейчас натянул свою рубашку сардара и вышел за порог. Муаровое сияние рассвета охватило треть неба. На самой кромке западного горизонта безмолвно полыхало. На пороге соседнего дома застыл полуодетый Хауни.

– Ты видишь это, Стриж?

Запах полыни накатывал тугой, пряной, почти осязаемой волной. Стриж уже понял все – слова больше не имели смысла.

Прошло неполных три дня. Ахара пылала. Отряд бывших сардаров уходил, оставив пригород каленусийским «отрядам зачистки и безопасности приграничных территорий». Шли

на восток ночами, днем отсиживались в оврагах, под прикрытием природных менгиров или среди полос придавленного зноем редкого леса. Ночной ветер долины прогонял дневную жару и нес с гор ледящий холод. Стриж нес Нину на руках, пока мог. На четвертый день, после того, как снайпер из засады подстрелил Каннигема, Дезет выбросил содержимое заплечного мешка и посадил туда ребенка – в руки он взял излучатель. Рыжее, мохнатое, такое знакомое солнце каждое утро выныривало из-за ломаной линии восточного хребта, однако, горы, казалось, совсем не приблизились.

На пятый день кончилась вода.

Колодец нашли на шестой день. Возле этого колодца, в ложбине, их и окружил отряд, высаженный накануне с каленусийских вертолетов...

– ...Эй, командир! Что будем делать?

Дезет отнял от глаз окуляры бинокля.

– Они привезли тяжелые излучатели. Ждут. Думаю, предложат нам сдачу. Сколько осталось зарядных комплектов?

– По половине на человека. Нас всего семеро, командир...

– Хочешь сдаться, Фисби? – спросил Дезет и с ужасом понял, что по ошибке назвал Хауни именем мертвого солдата.

Хауни все понял, но сделал вид, что не заметил.

– Я бы, может, и сдался, командир, – нехотя отозвался он, – но ведь будет только хуже. Гореть под излучателем больно, но быстро. Если сдадимся – умирать придется месяц или два, каленусийцы это умеют.

Стриж на минуту закрыл глаза. Потом посмотрел на завернутую в походное одеяло Нину.

– Давай свое полотенце.

Он пристроил тряпку к стволу, выставил за край ложбины и помахал импровизированным белым флагом.

– Эй! Подойдите для переговоров.

...Парламентер-каленусиец показался далеко не сразу. Это был майор с худым равнодушным лицом, который молча ждал. Стриж облизал пересохшие губы, потом произнес, пытаясь придать голосу спокойствие, которого вовсе не ощущал.

– С нами гражданские.

– Ну и?

– Они (она! – подумал Стриж) тут не причем. Разрешите гражданским выйти в безопасное место. Потом начнем нашу с вами разборку.

Майор с худым лицом задумался всего на миг.

– Нет, на годится. Я не стану класть своих солдат, выбивая вашу нечисть из укрытий. Мои условия: сдаетесь все – даю на сборы пять минут. Не уложите – открываем огонь на поражение, и мне все равно, кто там с вами.

Стриж в бессильной ярости смотрел на долговязый силуэт уходящего.

– Пойдите!

Каленусиец не оглянулся, а Стриж в два прыжка достиг края ложбины и сполз на дно – хорошо хоть вслед не стреляли. Сардары подняли на него глаза – белки ярко блеснули на закопченных, припорошенных серой пылью лицах.

– Мы сдаемся, парни.

– Ка-какого черта, командир?!

Лицо Хауни перекосила гримаса.

– Заткнись. Так надо.

– Надо?!

Стриж почувствовал опасность спиной и развернулся, принимая на предплечье удар приклада. Полыхнуло болью, рука мгновенно повисла, излучатель покатился на землю.

– Он предатель. Кончай его, ребята!

Дезет увернулся, пропуская мимо второй удар, в следующий миг близкий выстрел опалил ему бровь.

– Бей сзади!

Стриж упал ничком, сбитый подсечкой, прямо в глаза смотрело вороненое дуло излучателя Хауни. Дезет нащупал прижатый бедром пистолет. Глаза стандарт-медика в это момент показались ему совсем безумными. Стриж увидел, как под скрюченным пальцем бывшего товарища медленно подается спусковой крючок – выстрелил первым.

Через пару минут все было безнадежно кончено – пять трупов.

Еще через две минуты в котловину посыпались разъяренные каленусийские солдаты...

– Брось оружие! Мордой в песок.

Стриж медленно опустился на колени, потом лег ничком – ему тут же надели наручники, на сломанную руку тоже.

– Еще живые остались?

– Никого, майор. Погодите... тут ребенок.

– Санитар, заберите ребенка. Пленному закатайте рукав.

– Сделано. У него татуировка корпуса «Сардар».

– Отлично. Теперь померьте индекс пси-активности.

– Он лицо отворачивает, падаль.

– Сержант, придержите сардара за плечи. Сколько? Не может быть. Ноль?!

* * *

7005 год. Каленусия. Тюрьма строгого режима Форт-Харай

Стриж нехотя оторвал ладони от лица.

– Поздравляю, колонель. На этот раз вы меня достали. Точно и грамотно. Это хотели услышать?

– Да, хотел. А теперь вернемся к нашему вопросу – ваша дочь вам еще нужна?

– Где она?

– Еще вчера была в Порт-Калинусе, в приюте для сирот. Хотите, чтобы там и осталась?

– Это примитивный шантаж.

– Может быть, но если согласитесь нам помогать, девочку вам отдадут.

Стриж криво улыбнулся.

– Меня все равно убьют, толку в мертвом отце никакого.

– С чего вы взяли, что акция непременно смертельна? Раньше за вами не водился такой пессимизм.

– Укатали осла дороги Форт-Харая. В пыль и грязь. Вы зря явились сюда, я уже не тот, кто вам нужен.

– Нам нужны ваши врожденные способности, а их ничто не отнимет. Послушайте, я максимально откровенен. Вы можете погибнуть. Если выживете – получите все, что я обещал. Все, без исключения. Умрете – ваша дочь будет обеспечена, получит каленусийское гражданство, статус и уважение. Если хотите – мы сочиним для нее легенду и сделаем вас героем.

Стриж с минуту молчал, положив голову на сцепленные ладони. «Чертов хитрец, – подумал полковник – не дает мне следить за его лицом». В бронированное стекло комнаты, то расправляя, то пряча шелковые нижние крылышки, бился крошечный зеленый жучок. Этот жучок почему-то отвлекал Хиллориана.

– Хватит молчать и тянуть время.

- Я согласен.
- Славно, так гораздо лучше. Я привез вашу дочь с собой – хотите видеть ее?
- Чуть позже. Я не хочу пугать ее каторжной униформой.
- Хорошо, вы сможете сменить одежду.
- Я должен сам подобрать Нине опекунов, но не знаю, кого. Может быть, вы возьметесь?
- Жаль, но не смогу. Я тоже отправляюсь в горы Янга вместе с вами...
- Вот как...

* * *

Комендант не провожал Хиллориана – полковник вежливо, но решительно отказался. Кей Милорад сидел в нише панорамного окна и смотрел, как к вертолету медленно бредет кучка людей. Одна фигурка – ее вел за руку Дезет – была совсем маленькой. Комендант отвел глаза. «Не знаю, справедливо ли такое решение, наверное – нет. Но оно пойдет на пользу. Надеюсь, что на пользу. Пусть будет так, как лучше», – мысленно попросил-помолился он.

Стриж шел к вертолету, подставляя лицо свежему ветру. Нина держала его указательный палец в своем маленьком, теплом кулачке. Оранжевое мохнатое солнце наполовину село. Иллирианец смотрел на бурую равнину, на закат, на пыльный карьер, понимая, что скоро, возможно, умрет. И лишь полковник Хиллориан оставался полностью доволен – его миссия удалась.

Машина оторвалась от грунта, мощно набрала высоту, свист винтов совсем заглушил прощальный лай собак-мутантов.

Глава 3. Белочка

Каленусия. Полис Параду¹

Джулия по прозвищу Белочка вышла из салона в теплую метель цветочного пуха, щелкнула замочком плоской сумки, ручное зеркальце охладило горячие пальцы. Круглый кусок стекла метнул солнечного зайца и отразил матовое лицо, густые срезанные чуть пониже ушей волосы, точеный носик, пушистые ресницы, теплые чайного цвета глаза, под которыми залегли едва заметные серые круги. Пока едва заметные...

День был закончен, который по счету – уже все равно. Чья-то маленькая собачка, смешно взбрыкивая задом, пробежала мимо. Белочка едва не рассмеялась – разума коснулась яркая аура щенка. Мысли песика состояли из смеси запахов, цвета и звука: катящийся желтый мяч, хруст карамели на клыке, свист гордого своими семью годами загорелого мальчугана. Собака была счастлива...

Джулия вздрогнула и выставила пси-барьер. Вечернее солнце все еще палило нещадно, но Белочка шла вперед, сжавшись словно от холода и обхватив руками плечи...

* * *

Воспоминания словно стеклышки калейдоскопа. Обломки несостоявшейся мозаики складываются в прихотливый узор реализованного случая. Тот, другой щенок остался в прошлом. Коричневый, гладкий, он скулил от боли и обиды. Маленькая Джу положила пальцы с обломанными ногтями на розовый животик, и щенок умиротворенно затих. Зато самой Джу стало плохо, и яркие краски мира словно бы потускнели, задернутые частой черной сеточкой.

Когда восемнадцать лет назад флегматичный Реджинальд Симониан впервые заподозрил у четырехлетней дочери паранормальные способности, он сказал только: «Ух!». Это «ух» позволило ему десять лет питать тайные надежды, за год пережить горькое разочарование, два года вести глухую борьбу с судьбой, после чего махнуть рукой на пропащее потомство.

Белочка, измученная постоянным компромиссом между собственной сущностью и страхом отторжения, основательно подзабыла детство – остались так, обрывки. Красные, сухие и сильные руки матери, некрасивой, молчаливой и во всем согласной с образованным супругом. Особый стиль отца – баланс между строгостью и небрежностью. Гулкие, просторные – стекло, сталь, пластик – лаборатории Центра Калассиана, которые заместили в ее жизни зелень пригорода, желтый мяч и щенка.

Джулия, тогда еще не Белочка, оказалась в Центре в двенадцать лет – минимальный возраст, позволяющий обследование. Отец сам отвез ее туда на своем низком, бесшумном, раскрашенном под малахит каре – последний писк моды для граждан средней руки. Джулия, прижатая ожиданием, молча лизала холодный цилиндрик мороженого, больше всего боясь измазать сиропом кожу сиденья.

Центр принял новую пациентку в свою необъятную стеклянную и блестящую утробу, ярко полыхнул контроль-индикатор пси-турникета. Женщина в белоснежном тугом колпачке под расписку забрала потомство Реджинальда. Родитель по традиции на несколько минут остался с ребенком-сенсом наедине. Он что-то говорил: о даре, долге, блестящих перспективах, но с тех пор время беспощадно опустошило память Белочки. Зато она точно помнила, почему плохо слушала отца: по пластиковому стеклу панорамного окна полз, расправляя зеле-

¹ Название города происходит от слова «рай».

ные крылышки, твердобокий круглый жучок. Отец ушел не оборачиваясь – прощально мелькнула сутуловатая спина в вельветовом пиджаке и блестящие задники остроносых ботинок.

В Центре Калассиана она провела год...

Скрип тормозов – и воображаемый калейдоскоп сломался, а яркие стеклышки воспоминаний бойко разлетелись во все стороны.

– Привет, Белочка! – лохматый тип высунулся из окна притормозившей машины, —Подвезти?

– Джейк?

Полузнакомый клиент салона «Виртуальные приключения» весело кивнул и распахнул дверцу. Климатическая установка машины обдала Белочку свежестью, легким ветерком и запахом горного озона.

– Куда – юго-восток? Нет проблем. Поехали.

Ментальная аура Джейка приятно успокаивала – она была простой. Жужжал двигатель, Белочка закрыла глаза, подставляя лицо фальшивому ветерку кондиционера и думая о своем...

...В Центре Калассиана она провела год – чистый, стерильный, как стеклянные стены. Сотрудник, который выписывал Джу, был краток – тринадцать лет пациентки предполагали возможность понимать если не все, то главное. Реджинальд Симониан, слушая, кусал побелевшие губы. Да, у его дочери сильный врожденный дар. Нет, полноценным псиоником она не будет. Верх возможностей – снять болевой синдром, стимулировать резерв организма пациента.

– Поздравляю, у вас прекрасная дочь, Симониан, добрая девчушка, но не боевой псионик. Она чувствует, понимает, чувствует боль другого человека как свою, мало того, воспринимает его... психическую и физическую целостность как собственное благо.

Сухая рука отца жестко, до боли сжала пальцы Джу – она безуспешно пыталась выдернуть онемевшую ладонь.

– ...нет, коллега, ее специфические способности не могут быть нами использованы. Техника и препараты лучше справляются с теми же проблемами. Простите, но Центр в сотрудничестве не заинтересован.

Симониан уже не слушал объяснений – ботинки доктора философии четко печатали шаг на выход – по стандартной тропе неудачников. Пойманная за руку Джулия семенила, пытаясь успеть за отцом. Попытка сделать пси-карьеру закончилась для нее сокрушительным поражением...

Калассиановская клиника научила Джу кое-каким полезным вещам. Например, ставить пси-барьеры, чтобы не превратиться в зеркало, безвольно отражающее колебания чужих желаний. Родитель ожесточился, переживая крушение надежд – в его глазах дар ребенка фатально обернулся уродством. Мать молча уходила на кухню – плакала она там или просто еще раз вытирала и так до блеска протертые чашки. Через год Центр Калассиана оказался жертвой иллирианской диверсии, голубая пена, в которую превратился стеклянный монстр, пышно оседала на асфальте. Еще через два года шестнадцатилетняя Джулия назло судьбе поступила в медицинский колледж университета Параду и съехала из родительского дома навсегда.

Город-курорт на западном побережье встретил ее обольстительным великолепием. Когда-то над созданием райского уголка вовсю потрудились архитекторы и художники. Виды на залив, стремительно-легкие сооружения и парки сначала рисовали вручную и лишь потом воплощали в зелени и камне.

Цвели магнолии, шумел белопенный прибой, играли цветомузыкальные фонтаны. Обильно натеканые в укромных местах детекторы улавливали настроение публики, на ходу меняя программу цвета и звука – зрелище получалось феерическое: от багрово-пламенной страсти до жемчужно-серой грусти со множеством промежуточных оттенков. С заливом тоже поработали на славу. Здесь было все – и «дикий» берег с валунами, и рукотворный риф, и водья-

ной театр, с непременными прогулками верхом на сиренах. У причалов покачивались почти настоящие древние парусники (имитация, которая дороже оригинала). Буйство красок, ограниченное строгими рамками замысла, завораживало. Изнанка роскошных декораций – дешевые пыльные отели и сомнительные притоны юго-восточной окраины – без нужды не мозолили глаз.

Университет, впрочем, тоже устроился в некотором отдалении от шумного суетного центра, здесь царила деловитая атмосфера, присущая каленусийским храмам науки.

Джулия полюбила, закрыв глаза, нежиться в мягком библиотечном кресле. Пси-установка хранилища понимала ее «с полумысли». На темном экране опущенных век складывалась мозаика извлеченной из машины информации – картины, движение, мягко плывущий текст. Нейтрально-инертный, покорный псевдоразум машины не заставлял Белочку удерживать барьер.

Первый год пребывания в Параду подходил к концу. Газеты пестрели заголовками – как раз начался третий пограничный конфликт. Джу плакала вместе со всеми, стоя в непривычно-скорбной толпе под ультрамариновым небом: полиса развлечений достигла весть о потерях в долине Ахара.

Когда Джулия сняла пси-барьер, ее захлестнули волны скорби и она терпела, сколько могла, утешая самых отчаявшихся. К утру усталые люди, выплеснув ярость, разошлись.

...Официальный траур длился три дня. Потом («время – деньги») рекламу увеселительных заведений возобновили. Измотанная пси-перегрузкой студентка Симониан брела по мраморным коридорам колледжа, совершенно придавленная изменчивостью людской натуры. Ее окликнули. Незнакомый парень, парой лет старше, улыбался, протягивая брошюру «инициативного комитета за возвращение утраченных территорий». Листовку Белочка взяла, потом нехотя остановилась поболтать. Так Джу встретила *его*.

Авель был великолепен. Авель был сама искренность. Авель (несмотря на тщательно удерживаемый пси-барьер) угадывал ее мысли, как свои. Авель был чист и красив красотой античного полубога. Авель, возможно, любил ее. Они вместе шли в залы Колледжа и на улицы Параду. Он первым назвал ее «Белочка» – за коротко обрезанный поток волос цвета самого темного каштана.

Кипела и бурлила задорная весна. Авель и его друзья требовали от властей активного вмешательства в проблему Ахара. Департамент Обзора молчал, предоставляя молодняку свободно выпускать пар. Белочка, закрыв глаза, на память диктовала ментальному копировальщику текст обращения. Поздними веерами цокот ее каблучков отскакивал от спящих стен, наполняя задором пустое пространство. Плакаты клеили, пока все спали, «на видном месте», утром владельцы магазинов скребли пятна клея на витринах и яростно поносили университетских дураков.

Однажды, когда Авель и Джу уже успели испортить полдюжину витрин, их заметил одинокий сердитый полицейский. Возможно, сказались воспитательные навыки, приобретенные пожилым мужчиной в собственном семействе – его толстые пальцы ухватили Белочку за ухо и больно вывернули мочку. Перепуганная Джу неистово заорала.

Авель, как всегда, оказался на высоте – струя вонючего клея ударила из распылителя прямо к лицу врагу...

Джулия и Авель, схватившись за руки, убегали в душистую темень парка. Магнолии кронами укрыли их от прожекторов. Джулия сбросила туфли и взяла их в руки – так быстрее бежать. Пахло мятой и ночными цветами, песок дорожки мягко поддавался под босой ногой. В почти настоящем лесу что-то тихо потрескивало.

Они потеряли дорогу через полчаса. Джу попробовала снова надеть туфли, но ступни отекли и ремешки не сходились. Авель потянул ее в сторону, туда, где смутно желтело здание

для игры статистический бильярд: это развлечение сочетало в себе ловкость рук и подачки фортуны, скупое производимое генератором помех.

Белочка никогда не играла в такие игры, но ее позабавил огромный стол на массивных ножках. Стол покрывала туго натянутая зеленая ворсистая ткань, сверху пологом нависал пресловутый генератор.

В углу обнаружился запертый бар. Они сидели на полу, прижавшись спинами к тумбе и по очереди отхлебывали из единственной найденной под стойкой бутылки. Джулия нервно смеялась, припоминая бегство через лес. Она прежде никогда не пила эйфорин и понятия не имела, как он подействует на ее паранормальные способности. Оказалось – удивительно. Барьер смыло мягкой, теплой волной, темное пространство вокруг взорвалось ярко-розовыми, смешными пузырями. Джу ахнула – вокруг головы Авеля светилось нежно-бирюзовое кольцо ауры. Руки самой Белочки мягко мерцали бесчисленными золотыми блестками.

– Смотри...

Авель не понимал, на что смотреть, его классически-правильное лицо, оставаясь прекрасным, чуть поглупело.

– Смотри, это звездная пыль...

Он медленно провел пальцем по ее руке, сдвинул в сторону косой срез ореховых волос и осторожно поцеловал гладкую щеку возле уха...

Джу была слишком возбуждена, чтобы припомнить, в какой из книжных историй герои занимались любовью на бильярде.

...Они расстались через три дня.

Джу тупо смотрела на искаженные нервной судорогой черты любимого. Авель говорил много – о великих событиях и о том, что они не могут просто быть вместе, пока страдает Каленусия. Белочка прекрасно понимала, что это ложь, но спорить не хотелось – она и так знала правду. «Ты вошла в мою душу и в сердце мое. Я не знал, что это может быть настолько страшно», – первые слова Авеля после той ночи объясняли все.

Преподанный урок Белочка усвоила. Собственная природная сущность вовсе не казалась ей уродливой, но мысль о трагической исключительности сделалась теперь второй натурой.

До полудня Джу много работала – пришлось наверстывать упущенное в пустой компании Авеля. Стиснув зубы, она спускалась в виварий – бусинки звериных глаз смотрели с немым укором. В анатомичке было полегче – аура мертвых тел давно угасла, оставив лишь слабый налет печали.

Семестр проходил за семестром, трехлетний предварительный цикл медицинского образования кончался. Интересные перспективы замаячили еще раз – попасть в привилегированную обойму высшего цикла считалось трудным и престижным делом. Джулия не спала ночей – в уголках чайных глаз залегли серые тени. В конце концов она умудрилась набрать восемьдесят пять процентов от высшего рейтинга – результат более чем приличный...

Листок со списком переведенных долговязый секретарь приколол слишком высоко, приходилось запрокидывать голову. Фамилия Симониан там не значилась, и Белочка ловила на себе то жалостливые, то ехидные взгляды.

– Тебя к декану, Джу, – сказал кто-то за спиной.

Сухой костистый как птеродактиль старик с седой бородкой долго молчал, протирая зачем-то и так чистые до пронзительно-ледяной прозрачности очки (припомнились материнские чашки).

– Я понимаю, вы удивлены, Симониан. Прошу вас выслушать меня со вниманием. Я не стану скрывать – ваш балл позволяет перевести вас, но я не буду этого делать.

Птеродактиль постучал по столу длинными, жесткими пальцами и уставился куда-то в верхний угол, поверх головы Белочки.

– Вы шокированы, Симониан? Понимаете, я стою перед выбором, кем заместить вакансию – упорным середнячком, который с неба звезд не тащит, но через три года станет прекрасным военным врачом... Или умненькой девочкой, из которой, увы, ничего не выйдет...

Белочка подняла на Птеродактиля чайные глаза в пушистых ресницах. Старик на миг поперхнулся.

– Я знаю, вам обидно, но поверьте, сенс – плохой врач. Что вы делали до сих пор? Потрошили лягушек? Вскрывали трупы? Делали инъекции в учебной клинике? Милая моя – это так мало... Вы их жалели – всех, всех, и трупы тоже. Там, где смерть и врач встречаются лицом к лицу, там нет места слабости. Милая, пожалеть больного, которого нужно резать – все равно что его убить. Я один раз спасовал, приняв вас на начальный цикл. Пусть Мировой Разум простит старика – я не повторяю собственных ошибок.

– Меня отчисляют?

– Нет. Я прошу, слышите, смиренно прошу вас уйти добровольно. Не занимайте чужого места, этим вы спасете многое жизни. И простите меня, старого дурака...

Выйдя от Птеродактиля, Джу выбросила свою конфедератку в урну и навсегда покидала белый портик. Яркое солнце сушило дорожки слез на ее щеках...

Домой, к отцу, бывшая студентка не вернулась. Через три недели жизни в дешевом отеле кончились деньги. Еще через пару дней, в скромной забегаловке на углу, к ней подошел угрюмый, плотно сбитый тип с пестро татуированными фалангами.

– На мели, крошка? Ищешь работу? Могу помочь.

Джу затошнило. Характер предлагаемой работы не вызывал сомнений. Она отодвинула бумажную тарелку с недоеденной сосиской, схватила плоскую сумочку и бросилась к выходу, ловко перепрыгнув через ноги сутенера, но он догнал уже за углом.

– Ты чего испугалась? Не бойся, это не работа шлюхи, в борделе такие не нужны..

– Тогда свали и не приближайся.

Громила обиженно хмыкнул.

– Не пыли. Работа неплохая, почти чистая. Ты ведь сенс-сострадалицы? Нам как раз такие и нужны.

Белочка едва не расхохоталась – то, в чем ей отказали сначала Центр Калассиана, а потом университет Параду, просто вот так, на заплеванной улице, предлагал человек с лицом и силуэтом вышибалы...

Так Белочка познакомилась с Дерекком.

Дерек содержал салон виртуальных приключений. Идея заведения оказалась гениальной в своей простоте – посетителя помещали в гидрокресло, чуть подкачивали слабым растормаживающим, после чего в дело вступал наемный псионик. Салон предлагал ограниченный список ментальных наводок: путешествие в горах (с лавиной и лохматым горным монстром), пустынные приключения (с песчаной бурей и почему-то голым монстром), охоту на иллирианских диверсантов (с обильной стрельбой до победы и торжественным награждением). Список потихоньку пополнялся – по мере развития бизнеса. Сексуальных наводок в заведении не держали – услуги псионика обходились дороже, чем услуги девки. Хотя финансовое благополучие салона подвергалось колебаниям, громила не желал сменить профиль дела на более традиционную проституцию.

Дерек гудел низким басом, мучительно очерчивая проблему:

– Ты пойми, куколка, я ж художник. Мастер иллюзий в натуре. По молодости хотел сенсом стать – башка подкачала, не годен ни с какого конца. Теперь дело держу. А ты мне нужна – позарез. Клиент, он натура тонкая, подавай, чтобы и страшно, и хорошо, и с шиком, и каждый раз новое – и за те же бабки. Раз кинули, два кинули – он и свалил...

Джулия с трудом пробивалась сквозь корявую речь «мастера иллюзий», улавливая главное: свое место в этой комбинации. Ситуация обнадеживала. И проблема оказалась не наду-

манной. Нанятый Дерекком псионик-классик честно отрабатывал свое, загоняя монстров и врагов в изнуренные сидением в офисе мозги посетителей. Реализм и качество цвето-звук-обонятельно-осязательной картинке поначалу впечатляли. Разочарование наступало потом – виртуальному миру не хватало простых, но трудно моделируемых малостей – сочувствия и неожиданного, трепещущего чуда...

Белочка хладным разумом поняла – это шанс. Она попросила у Дерека время на раздумья, но уже уходя, уже прощально стуча каблучками по фигурной плитке тротуара, она знала, что согласится.

* * *

«Виртуальные приключения» открывались поздно вечером, в тот час, когда тонкая аура ночи, пронизанная светом фар, будит воображение. Неповоротливого разума Дерек хватало на то, чтобы все не показываться клиентам. Днем делами заправлял наемный бухгалтер, ночью – лощеный менеджер Раф и молчаливые, замкнутые братья-близнецы Валериус и Хэлиус: секьюрити заведения. У Хэлиуса к тому же были острые уши – плод косметической хирургии и зигзага моды.

Раф рассматривал Белочку со сдержанным скепсисом, однако, придираться не пытался – вручил письменные инструкции, чип с набором стандартных сценариев, Валериуса для экспериментов и дал добро на испытательный срок. Сценарии оказались в меру убоги, но, в целом, годились: ей самой предстояло насытить деталями и эмоциями сухую кальку шаблона.

Раф скептически морщился, Валириус, он же Вэл, открыто ухмыляясь, залез в кресло, которое весело забулькало наполнителем. Белочка присела за пульт, приложила к вискам крошечные холодные диски датчиков – «монетки» тут же сами приклеились – и закрыла глаза.

– Мотор!

Она послала осторожный импульс. Сознание Вэла откликнулось – сталь, лед, неоновый свет. Она почерпнула из собственной памяти картинку и, мысленно слепив информацию в комочек, попыталась найти трещинку в ледяном барьере. На миг ее ослепило, и тут же погасло, зеленоватое пламя. Ничего не происходило. Виноватая улыбка застыла на растерянном лице Белочки – она поняла, что позорно провалилась.

* * *

...Джу бросила Параду. Порт-Калинус был ей противен. Рейсовый аэробус увез Белочку на восток. Мелкие, чистенький города поселенцев Ахара охотно принимали мигрантов. Летом Джу работала на фермерских полях, зимой – официанткой в провинциальных ресторанчиках. Постепенно обида истончилась. Закаты в Ахара отливали оранжевым золотом. Стлался в воздухе запах горькой полыни...

Когда пришли иллирианские солдаты, Белочка бежала вместе со всеми. Стебли трав рвали юбку, царапали похудевшие ноги. Ночью, под колкими звездами, Белочка подбрасывала в походный костер сухие стебли бурьяна, этот дым тоже отдавал горечью. Она ела, что придется – последние корки хлеба, зеленые султанчики сладкой травы...

...Иллирианцы настигли их через пять дней. Выстрелы излучателей скосили задние ряды беженцев. Три сотни уцелевших людей метались, окруженные огнем прожекторов, лаем собак и стеной равнодушного презрения. Уцелевших поместили в огромный старый ангар. Белочка не могла спать – скученные люди сидели вместе, вплотную, локоть к локтю. Их не кормили три дня, потом перестали приносить воду в серых жестяных ведрах. На шестой день за Белочкой пришли. Она шагала навстречу страху, обхватив руками свои похудевшие, острые плечи.

Снаружи, на вольном воздухе, ветер принес слабый запах полыни. Прямо перед Джу был запущенный дворик и выщербленная закопченная стена – тусклая побелка сошла с нее пятнами.

Белочка в последний раз посмотрела на жемчужно-нежный рассвет Ахара.

...Первый выстрел излучателя прожег ее плечо...

* * *

Джу очнулась. Полыни не было. Не было ничего – ни бегства из Параду, ни войны, ни иллирианцев, ни страшной стены в бурых разводах. Дерек твердо и вместе с тем заботливо держал ее за плечи. Остроухий Хэл осторожно бил по щекам потерявшую сознание сочувствующую. На заднем плане Вэл с окаменевшим лицом как раз закончил выпрастываться из вязких объятий гидрокресла. Тихо пел кондиционер – прямо в ноздри точеного носика Джу ударила струя свежего воздуха.

– Очнулась? Привет, подруга! Раф, плесни ей выпивки.

Раф что-то недовольно пробормотал.

– Обморок? Ну, она привыкнет. Эксперимент был нечистым – у парня пси-чувствительность чуть повыше нуля.

Дерек, казалось, больше не слушал менеджера. Он внимательно следил за Вэлом. Тот выпутался, наконец из проводов. На чуть порозовевшем лице охранника, обычно таком замкнутом, появилось удивительное выражение. Это было трепетное, свежее, как весенняя травка счастье. Счастье человека, действительно спасшегося от смерти.

* * *

Всего за неделю «Виртуальные приключения» приобрели бешеную популярность. Сюжеты получались индивидуальные и всегда неожиданные, от посетителей не стало отбоя. Жесткий, кровавый реализм сменялся тонко очерченными переживаниями, экзотические приключения – запутанными головоломками изощренных преступлений. До самой Белочки теперь долетали лишь приглушенные копии чужих переживаний, но даже этого хватало, чтобы держать ее в состоянии непреходящей усталости...

Джу органично выросла в компанию, научилась ладить с Вэлом-Хэлом и ценить Рафа. Финансовые дела «Приключений» процветали. Небо оставалось безоблачным.

Джулия не замечала сгущавшихся тучек лишь в силу естественной неопытности – десятки мелких подробностей указали бы более проницательному человеку на обратное. У Дерека давно «протекала крыша». Дела шли своим чередом, полностью оправдывая известный афоризм насчет того, что обстоятельства, предоставленные сами себе, имеют обыкновение изменяться в худшую сторону уже безо всякой помощи дураков.

Кульминация закулисной возни наступила в один из пронизанных бледным неом весенних вечеров, когда под градом булыжников витрина «Приключений» разлетелась на тысячу осколочков, которые усеяли тротуар и золотые ступени.

Через миг в дверь ввалилась семерка громил, университетские умники любили называть «продуктом деструктивных процессов в социуме крупных городов». «Продукт» сильно залежался – пахло выпивкой, а, может, и еще чем покруче. Джу, не скрываясь, зажала нос. Кругленький, липкий субъект с ухватками хозяина громил, развязно представился: «Хастерс Буллиан». Его бандиты уже вовсю громили бухгалтерию Рафа, а самого Рафа послали «в отпуск» нокаутом. Еще один налетчик, тощий и долговязый, вспарывал ножом гидрокресло, толстая оболочка не поддавалась, и тогда он решил сделать костер из киберы. Разумная машина, оценив ситуацию, решила удрать, но бандит загнал жертву в угол кованым носком башмака.

– Мочи всех, парни!

Хастерс взглядом оценил поджарую фигурку Джу, остался недоволен, потом махнул рукой – выбирать, собственно, было не из кого. После этого он сплеча рванул белочкин кружевной джемпер. Жест, позаимствованный из популярного сериала, на практике оказался неэффективным. Синтетическое волокно эластично амортизировало, джемпер не собирался ни рваться, ни сниматься. Предводитель шестерок на миг опешил. Белочка, мстительно улыбаясь, добавила от себя – слабенькая ментальная наводка на тему «вторая иллирианская эпидемия холеры» не отличалась тонкостью и не требовала помощи датчиков, однако громила поспешно схватился за живот.

Казнимый кибер воспользовался заминкой и на шести коротких ножках порскнул за дверь.

Опомнившийся Хастерс уже занес кулак, примеряясь сломать девчонке нос, но Джу выскользнула ужом и тут же приложила мерзавца каблучком по причиндалам. Лицо Хастерса враз посерело, стало напоминать тесто, и вроде бы даже поплыло.

– Ах ты, сучка!

Драка в заведении бурлила кипятком – кого-то впопыхах сунули в уцелевшее гидрокресло. Сенс-автоматика, одурев от множества противоречивых ментальных импульсов, вяло пережевывала добычу, пытаясь правильным образом сориентировать и зафиксировать беспокойного клиента. Раф все еще лежал без сознания – из породистого римского носа менеджера сочилась кровь. Остроухий Хэл и его брат Вэл жестоко и молча схватились с эскортом Хастерса.

Роль решающего резерва сыграл сам Дерек – он, стуча башмаками, ворвался в разносимое на части заведение. Рев оскорбленного в лучших чувствах громилы сотрясал стены, кулачищи молотили без устали...

Ну что еще можно добавить?

Налетчики (кроме приспособленного-таки креслом по назначению) разбежались. Джулия сначала истерически хохотала до слез, потом горько и бесполезно плакала от безысходной остроты чужой боли: на этот раз пси-барьер не устоял под натиском разгулявшихся эмоций.

Патруль полиции объявился только через полчаса.

* * *

После памятного погрома сборщики отступных надолго оставили в покое «Виртуальные приключения». Дерек открыто, напоказ зауважал Белочку, она же приходила и уходила, ночью проживала пеструю мишуру чужих жизней и бесчувственно отсыпалась днем. Счет в банке медленно, но верно округлялся. Джу обходила стороной студенческие кварталы, избегая бывших друзей – они казались ей нелепо раскрашенными фигуркам полузабытого кукольного спектакля...

Время шло, сил становилось все меньше, и это вынудило Джулию внимательнее присмотреться к себе. Результаты не порадовали. В уголках чайных глаз уже залегли серые желтые тени. Миндалевидные розовые ногти испещрили белые отметины, кожа рук выглядела суше, жестче, чем раньше.

...Врач, противоречивое сочетание заботливости и цинизма, словно явился из оставленного в далеком детстве Центра Калассиана. Он пропустил Джулию в кабинет, вежливо выслушал, тщательно осмотрел, долго мыл руки и тер их хрустящей салфеткой одноразового полотенца.

– Ну и? – не выдержала она.

– Ну... В целом вы здоровы. Пока. Однако честно предупреждаю – если не перемените образ жизни, умрете. У вас в запасе от силы год, может быть, полтора. Последние два месяца будут... очень болезненными.

Джу вскинулась будто змейка, готовая к прыжку.

– На что вы намекаете?!

Врач снисходительно фыркнул.

– Ну вы же псионик? Бизнес? Ментальный притон? Эмуляция острых переживаний?

– Да.

– Это медленно разрушает ваш мозг и гипофиз. Случай в моей практике не первый, думается, и не последний. Вам, должно быть, платят неплохие деньги, но эти деньги не стоят жизни. Поверьте мне, милая девушка, и уйдите из бизнеса развлечений. Вы псионик-сострадатель, признаю, не повезло, ну так займитесь курами и кроликами, это хорошие создания. Полгода в деревне, на свежем воздухе, вернут вам форму. А я – я сделал все, что мог, предупредил вас.

Ошарашенная приговором Джулия расплатилась с доктором теми самыми деньгами, которые заработала в «иллюзионном» салоне Дерека, и пошла прочь, едва не кусая костяшки пальцев. Теперь ей стал понятен скепсис Рафа.

Что ж, прощайте «Виртуальные приключения». Белочка решила, что пустится в новую неизвестность, поработав напоследок пару месяцев, но не могла отделаться от мысли о невидимом неумолимом счетчике...

* * *

...Скрип тормозов, теплая метель пуха за наполовину опущенным стеклом. Калейдоскоп воспоминаний больше не ломается – просто цветные стекляшки кончились, просыпавшись между пальцев...

Обходительный Джейк, заложив вираж, остановил машину возле знакомой двери.

– Пока, Джу, старушка.

– Спасибо, – сказала она и взбежала по крутым ступням.

В замочной скважине белела крошечная записка. Белочка вытащила туго свернутый плаستيновый треугольничек с номером 7-777-777. Телефон мирового разума или новая работа? Она рассмеялась.

На следующий день Белочка позвонит по «номеру судьбы».

Еще через день состоится ее первая встреча с полковником Хиллорианом.

Двадцатидвухлетний медик неполного статуса, сенс-сострадатель Джулия Симониан без радости и без печали примет место врача секретной экспедиции Департамента Обзора – а что ей оставалось делать?

Глава 4. Иеремия, Мюф

7005 год. Северо-восточные поселения Конфедерации

Длинное, прямое как стрела, шоссе Порт-Калинус—Восток запрудил поток разноцветных каров – трели клаксонов создавали невыносимый шум, но это, казалось, ничуть не мешало седовласому старику в синем льняном балахоне. Старик сидел, поджав ноги, прямо на разделительной полосе и покачивался в такт произносимым про себя словам. Рядом терпеливо слонялся мальчик лет восьми – крепкий густобровый паренек. Дорогу перегораживал развернутый трак шипастой стальной «гусеницы».

Вертолет дорожной безопасности уже завис над полосой асфальта, созданный им вихрь трепал балахон проповедника, и темные волосы мальчишки.

– Четвертый, четвертый! Как слышишь меня, Либиан? Прием.

– Слышу отлично. Как обстановка, Мисти?

– Все так же. Старый перец крепко заткнул дорогу.

– Я удивляюсь, как его до сих пор не разделили в лепешку водилы.

– Он у них что-то вроде священного животного. Как бы ни чудил этот Иеремия, ему все сходит с рук.

– Можете сесть поблизости и снять его с трассы?

– Поблизости – никак. Тут и воробью не пристроиться. Попробую сесть чуть подальше.

– Как знаешь. Удачи! Конец связи.

Через некоторое время вертолет опустился на поле скошенной люцерны. Патрульный Мистиан тяжело прыгнул на землю, поправил кобуру с полицейским парализатором и деловито зашагал туда, где в облаке пыли продолжала копиться дорожная пробка.

Водитель крайней с обочины машины, не реагируя на полицейского, сосредоточенно прильнул к уникаму. Остроносое сухое лицо напрялось, кожа загорелого, с залысинами, черепа пошла складками. Мистиан вынул собственный уникам, но видеосигнал на всех каналах забивали цифровые помехи. Звук, впрочем, был прекрасный – голос тревожно рокотал и смысл проповеди не оставлял сомнений в роде занятий оратора:

– Верно говорю я вам – скоро выйдут реки из берегов! Смрад и пепел будут властвовать над жилищем вашим! Прольются бурые тучи кровью, черви станут войском и саранча собьется в стаи... Поэтому говорю я вам – покайтесь! Вы, забывшие свою душу ради мертвого железа! Вы, продавшие свою душу Машине! Вы, ходячие мертвецы! Опомнитесь! Разбейте порождения Пустоты – проклятых, железных тварей, или они отнимут ваше место и под солнцем, и перед оком Разума! Сколь прекрасно идти, ступая на зеленую травку, столь омерзительно, теша лень вашу, забираться в пасть зверя, смердящего, урчащего, крутящего и соблазняющего. Что входит в брюхо через пасть, то выходит наружу через жерло иное, скверное...

– Как старый хрен погибает, – сплюнув, сквозь зубы процедил задетый за живое Мисти.

Он выключил уникам. Остановленные «гусеницей» кары создавали вокруг проповедника барьер для машин, но не для человека, который протискивается боком. Мистиан держал направление так, чтобы появиться как раз за спиной мечущего словесные громы новоявленного луддита.

Задумку испортил бдительный густобровый паренек. Он решительно подергал деда за рукав и молча указал грязным пальцем в сторону запыхавшегося стража порядка.

Старик перестал покачиваться, встал, и с неожиданным достоинством в каждом движении, повернулся к полицейскому. Лицо Иеремии густо загорело. Светлой кожи не осталось даже в самой глубине резких, как шрамы, морщин. Глаза пронзительной голубизны смотрели спокойно. Греческий нос старика придавал ему сходство с мифическим прорицателем. Мисти отметил про себя, что дед еще крепок и держит спину удивительно прямо.

– Патрульный Мистиан. Ваш жетон, свободный гражданин.

Старик не торопясь открыл сумку на поясе, вынул блестящий квадратик на синтетическом шнурке. Мистиан сунул гладкий жетон в щель полицейского уника и мизинцем набрал личный код доступа. То, что спустя минуту появилось на экранчике, до самой глубины полицейской души поразило Мистиана. Еще минуту он ошалело перечитывал рубленые строчки, потом козырнув, повернулся и побрел прочь. Уходил он так же, как и пришел – боком.

Еще через пять минут мягко вертолет оторвался от поля люцерны.

– Пятый, пятый! Как слышишь меня, Мисти? Прием!

– Слышу отлично.

– Ну как – взяли проповедника?

– Нет.

– Что? Плохо слышно... КАК ЭТО НЕТ?!

– Войди в Систему, посмотри его досье.

Мистиан слышал, как на том конце хрипло дышит ковыряющийся в информации Либби.

– О, Мировые Яйца.

– Вот и я увидел то же самое.

– Но ведь полчаса назад в его досье по этой части было чисто и пусто.

– Отбой. Поговорим позже.

Полицейский выразительно поглядел на напрягшегося пилота – тот в смущении отвернулся. Мистиан откинулся в кресле и еще раз прокрутил в уме четыре пресловутые строчки, ранившие его представления о возможном и невероятном: «Иеремия Фалиан, 71 год, полноправный гражданин Каленусии. Доступ к информации закрыт. Полная физическая неприкосновенность – запрещение активных пресекающих контактов без санкции Департамента Обзора».

Вертолет шел низко, отбрасывая на поле люцерны стремительную, распластанную тень. Успокоившийся было сержант Мисти мысленно сочинял рапорт, когда вспомнил нечто такое, что едва не сломало остатки полицейского здравомыслия.

...Иеремия, вещая через уникамы для сотен потрясенных владельцев машин, сам уника НЕ ИМЕЛ!

* * *

Мальчишка помог деду закончить сворачивать «гусеницу», ее задвинули в придорожные кусты и забросали сухой травой – получилось неплохо. За спиной медленно рассасывалась «пробка».

– Мюф, не отставай.

Иеремия, не оглядываясь на внука, уходил через поле широким, размашистым шагом. Поле сжатой люцерны кончилось, уступив место пологому склону холма и зарослям колючего кустарника. Старик устал. Мюф догнал деда и теперь шел, держась за край синего балахона. За зеленым холмом, на широкой, ровной площадке, стоял их дом с коровником и конюшня вместо гаража. Из-за коровника появилась миловидная женщина лет тридцати, ее волосы были убраны в три косы. Фермерша поставила посудину с молоком на землю и смотрела в сторону холмов, приставив ко лбу ладонь «козырьком».

– Привет, мама!

– Привет, Мюф. Здравствуйте, отец. Вы сегодня вернулись рано.

– Не рано, Минна, а в самый раз. У нас гость.

Старик не спрашивал – утверждал. Женщина смущенно потупилась.

– Вы правы.

– Ты проводила его в дом?

– Да, все как мы договаривались.

Старик удовлетворенно кивнул.

– Хорошо, а теперь оставь нас наедине.

– Отец, я боюсь за Мюфа, может быть, отправить его к Кристи?

– Твой сын останется со мной. Так надо, не бойся.

Иеремия повернул к дому. Распахнутую настежь дверь перегораживала мелкая, тщательно подогнанная по размеру сетка от мух. Большую часть прохладной комнаты с низким, почерневшим потоком занимал деревянный стол. На табурете, спиной к стене, лицом ко входу примостился человек средних лет в полувоенной куртке без эмблем – такие вещи любят носить каленусийские отставники. Худое, жесткое лицо прищельца не улыбалось. Он поднялся навстречу Иеремии и первый протянул ему руку.

– Полковник Хиллориан.

Иеремия с достоинством кивнул.

– Я вас узнал, хотя раньше не видел.

– Каким образом?

– Великий Разум предупредил меня.

– Тогда, возможно, он предупредил, зачем я приду?

Иеремия принял вызов с завидным хладнокровием.

– Вы пришли, чтобы предложить мне нечто особенное – ну так говорите.

Хиллориан посмотрел в бирюзовые глаза собеседника, спокойствие Иеремии завораживало. В комнате пахло сушеной мятой, мягко гудел залетевший в полумрак дома шмель. В самом воздухе, казалось, разлился надежный покой – то, чего годами не хватало полковнику. Хиллориан заколебался, жестко преодолевая нестерпимое, невесть откуда взявшееся искушение без обиняков выложить все старику.

– Не стану скрывать, ваша странная деятельность смущает власти округа. Скажите честно, чего вы надеетесь этим добиться? Вернуть общество в каменный век? Прославиться? Получить власть? Что-то не похоже. Тогда Чего же вы хотите, Фалиан? Получается, одних только неприятностей.

Старик размышлял совсем недолго.

– Прислушайтесь к внутреннему голосу – разве ответ не очевиден?

Хиллориан сокрушенно покачал головой.

– Для меня – совсем нет.

– Тогда оставайтесь нашим гостем до завтрашнего дня, и все узнаете.

Полковник прикинул – время позволяло.

– Охотно.

Минна, куда бы она ни уходила, уже вернулась и вошла с блюдом маленьких, четырехугольных пирожков. В глазах крестьянки блестел смешанный со страхом вызов.

– Благодарю вас, свободная гражданка.

Женщина, не ответив, выскользнула за дверь.

– Она ваша дочь?

– Сноха.

Полковник сделал вид, что его вопрос не был чистой формальностью, Иеремия сделал вид, что не понял уклончивой природы полковничьей вежливости (родственные связи Фалиана в Департаменте знали назубок).

– Сын погиб три года назад в автокатастрофе.

– Соболезную. Это стало причиной ваших деструктивных действий?

– Нет.

Хиллориан надкусил крошечный пирожок. Начинка пахла вишней.

– Надеюсь, я задержался не зря, и вы меня не разочаруете.

Иеремия серьезно покачал головой, вставая.

– Ожидающему воздастся.

Светило медленно ползло от зенита к закату. Хиллориан съел вишневые пирожки и теперь коротал время, рассматривая щели потолка и кружевные салфетки на подоконниках. За окном прохаживались здоровенные рыжие куры с мясистыми, лениво обвисшими гребнями. На дворе удлинялись синие тени. Минна несколько раз прошла по двору, гремя ведром, Мюф, посвистывая, заглядывал в комнаты – полковник чувствовал на своем виске пристально-любопытный взгляд мальчишки.

Наконец, солнце коснулось верхушки холма...

Они осторожно уходили в прохладную темноту летнего вечера – полковник, Мюф и старик. Тропинка ложилась под ноги мелким песком, огибая возвышенность. Трухлявый мостик без перил, переброшенный через мелкий ручей, угрожающе затрещал под ногами. Хиллориан улыбнулся в темноте – еще не хватало стоймя рухнуть в пропахшую головастиками, тинистую воду. Вечерние сумерки сгущались, пискнул и ускользнул, унося из-под ног длинное тело, приземистый, проворный зверек. В траве зажглись бледно-зеленые огоньки светляков.

Тропинка обогнула непролазные заросли и закончилась круглым, низким лазом в стене зелени – дыркой меж раздвинутых и прижатых колышками ветвей.

Иеремия вошел первым, следом шмыгнул Мюф, Наблюдатель пригнулся и, защищая руками глаза, осторожно протиснулся меж колючих сучков. За лазом обнаружилась круглая поляна, которую окружали сплошные зелено-серебряные стены листвы. Потолком своеобразной комнате служило звездное небо. Посередине чернел круг от костра, очищенные от коры, отполированные прикосновениями стволы деревьев лежали на земле, создавая вокруг костровища своеобразный амфитеатр. На бревнах присели местные уроженцы – мужчины в одежде каленусийских фермеров, четыре девушки, одна из них, с круглым, пестрым от веснушек личиком, – приветливо улыбнулась Хиллориану и, хихикнув, прошептала что-то на ухо подруге. Троица вновь прибывших устроилась на гладком, как темное стекло бревне, возле самого костровища. Между тем, собрание исправно пополнялось – сквозь колючий лаз один за другим проникали люди, кто-то из детей притащил кота – плоскомордого, с сердитыми косыми глазами. В конце концов на бревнах сделалось тесно, и кучка опоздавших пристроилась прямо на траве, подстелив огромный пустой бумажный мешок.

Тем временем совершенно стемнело. Край неба, видимый над верхушками колючих зарослей, больше не светился лилово-пурпурным. Сонмы светляков в траве соперничали со звездами. Пахло мятой, медоносами, белые зонтики неизвестных цветов белели в темноте. Кто-то, щелкая зажигалкой, с трудом подпалил дрова – заколыхались, разгоняя темноту, оранжевые блики, закричала засевшая в кустах ночная птица. Собрание походило на слишком задумчивый ночной пикник, но без провизии.

Хиллориан повернулся к Иеремии.

– Не пойму, что я должен делать?

– Ничего, ждите. Ищущий найдет.

Полковник задумался, рассматривая багровые угли костра. Глаза слипались – наблюдателя всерьез клонило в сон, однако жесткое бревно не позволяло расслабиться. Хиллориан вспомнил войну Ахара. Там, южнее и еще восточнее, на более сухих землях, по ночам пахло пылью и гарью пожаров. Полковнику вдруг показалось, что реальность «поплыла». Поляну, людей и животных как бы заволокло дымкой. Эта дымка уплотнялась все сильнее, звуки таяли и глохли в густом бесцветном мареве. Слух отказал первым. Зрение – потом. Хиллориан испытывал иррациональный страх – его тело продолжало сидеть на отполированном до блеска бревне, рядом с неподвижным как скала Иеремией, и тем не менее, полковник знал, что находился в совершенно другом месте...

Вспыхнул луч фонаря. Тонко звенели капли воды. Скупое освещенный, весь в узорах плесени коридор сужался и тянулся во тьму. Полковник сделал шаг, другой. Под ногами чавкала грязь и тускло блестели рельсы. Где-то в стороне раздавались неровные шаги чужака. Хиллориан мгновенно погасил фонарь, подался назад и прислонился к стене. Во тьме раздался сухой щелчок, и вспыхнул горизонтальный столб света – незнакомец зажег собственный фонарь. Полковник, не торопясь, снял с предохранителя пистолет, хладнокровно выбирая момент выстрела. Луч приближался, хищно шаря по стенам.

«Как только он продвинется еще на метр, я открою огонь». Хиллориан поднял твердую руку, ощутил надежную тяжесть оружия. Луч дернулся вперед, полковник выстрелил.

...Уже спустив курок он понял – и это понимание пронзило его, наполнив ужасом узнавания. В том месте, где должен был находиться зажатый в руке незнакомца фонарь, там, в эпицентре противостоящей полковнику злой воли, находилась лишь пустота.

Конус света свободно висел в воздухе.

* * *

Хиллориан почувствовал на своей щеке теплое прикосновение. Солнечный зайчик скользнул по опущенному веку.

Полковник привстал, протирая глаза. Он лежал на росистой траве, рубашка промокла насквозь и липла к спине. Безобидно чернел прогоревший круг костра.

– Эй, есть тут кто-нибудь еще?

Долговязый, величественный Иеремия появился неведь откуда. Старик казался хорошо отдохнувшим. Высокие сапоги по щиколотку намочили от росы.

– С вами все в порядке?

– Пожалуй. Кстати – ай-ай-ай. Вас следовало бы привлечь за незаконное распространение галлюциногенов. Что вы бросали вчера в костер, Фалиан?

Иеремия встревоженно покачал головой.

– Ничего не бросал. Яркие были видения?

– В достаточной мере. Кстати, по поводу ответа – я вам не верю.

– Я не лгу. То, что вы видели – это предупреждение. Возможно, будущее. Может быть, будущее, которому не суждено наступить. Все зависит от ваших поступков, Хиллориан. Разум Мира лишь предупреждает, но не лишает свободы воли.

Полковник скептически улыбнулся, ловко встал и потянулся.

– А что же Мировой разум сказал вам, Фалиан?

– Что я могу принять ваше предложение. Я поеду с вами в горы. Должно быть, это мой путь.

Хиллориан постарался ничем не выдать удивления. Возможно, старичок не так уж прост, и в луддитской ереси что-то есть – по крайней мере, сильные ментальные способности у проповедника налицо. Или он читает мысли? Хиллориан поежился. Такого в досье Иеремии не значилось.

Они вместе возвращались в беспокойном сиянии утра – наблюдатель и старик. По дороге к ним пристроился беззаботный Мюф.

Начало было положено, участники собраний. Осталось расставить фигурки на шахматной доске.

Глава 5. Готовятся

Каленусия, штаб-квартира Департамента Обзора

Алекс Дезет внимательно осмотрел комнату, в которую попал. Круглое помещение почти полностью занимал белый, тоже круглый, пустой стол и пять пластиковых кресел. Окон не было – их заменяли большие уникон-экраны. Сейчас экраны не светились, их матовая, безмятежная поверхность оставалась тусклой.

Вокруг стола, если считать слева направо, сидели: сам полковник Хиллориан (никаких эмоции на физиономии), девушка лет двадцати четырех (ореховые, добрые глаза и затаенное упрямство), загорелый старик с коротко подстриженной седой бородой (старый перец фермерской породы) и густобровый паренек лет восьми.

Стриж тоже сел, скрестил руки на груди, откинулся на спинку кресла, прислушиваясь к мягкому гудению кондиционера.

Хиллориан бесцельно передвинул бумаги – этот жест выдал нервное напряжение наблюдателя.

– Итак, начнем, свободные граждане.

(Стрижа позабавило такое обращение).

– Начнем без предисловий, – продолжал полковник. Представляю участников группы. Александер Дезет – специалист по безопасности или по проникновению в охраняемые объекты – как угодно, в зависимости от обстоятельств. Человек с пси-нулем.

Стриж вежливо кивнул собранию. Старик насупился и подозрительно оглядел илирианца. Девушка окаменела лицом. Деревенский отрок остался равнодушным – Дезет подметил, что мальчишка сделал шарик из липкой жевательной смолы и сейчас пытается незаметно пристроить «подарочек» под крышку стерильно-чистого стола.

Наблюдатель тем временем продолжал как ни в чем ни бывало.

– Джулия Симониан – псионик-сострадаватель, врач экспедиции.

Мальчишка перестал катать под столом липкий шар и уставился на девушку. Выждав, когда полковник отвлечется, скорчил ей рожицу и тут же с невинным видом продолжил свою возню со смолой.

– ...Иеремия Фалиан – э-э-э... нейтрализатор технических устройств.

Старик хранил величественное спокойствие, не реагируя никак.

– И, наконец, Мюф Фалиан – сопровождающее лицо.

Мальчишка мазнул по Стрижу бирюзово-прозрачным, таким же, как у старика, взглядом и приосанился.

– Я сам в представлении не нуждаюсь, – не без угрюмого юмора закончил полковник.

– Перед нами стоит задача, о важности которой сказано все – я не хочу повторяться. Группа должна добраться до гор Янга... Слайд, пожалуйста.

По мановению оператора экраны ожили, и Стриж увидел многократно воспроизведенную в каленусийских рекламных проспектах панораму: далекие льдистые вершины, тонкий пик Игольчатой горы на фоне лазурного неба, ниже – скалистые горы, переходящие в каменистый пастбищный хребет, испещренный пятнами травы, далее, на переднем плане – лесистые пологие холмы. Панорама впечатляла – красивая картинка величественного и одновременно игрушечно-яркого мира.

– Доставку группы на место Департамент Обзора берет на себя. Вас высадят вот здесь...

Хищный треугольник светового указателя метнулся вдоль панорамы, мгновенно превратившейся в карту.

– ...Предупреждаю возможные возражения – ближе нельзя. Границы аномальной области проходят всего в двухстах метрах от точки приземления. После высадки группе предстоит

преодолеть пятидесятикилометровый участок пути пешком. Карты (неэлектронные) будут выданы каждому участнику экспедиции. Путь не слишком сложный, там есть тропа. Правда, ею давно не пользовались...

По карте на экране уверенно побежала юркая стрелка.

– У меня вопрос к вам, полковник.

Хиллориан, прерванный на полуслове, недовольно воззрился на Стрижа.

– У вас есть аэрофотосъемка аномалии?

– Да, конечно.

– Как ее сделали, если там ломаются беспилотники?

– С планера. На борт приняли только примитивную оптику. Результат обработан и восстановлен Системой.

– Тогда почему...

Хиллориан поморщился.

– Мы не можем забросить группу воздухом. Летчик той машины и его оператор погибли. Собственно, результат, который вы сейчас увидите, выкопан из-под обломков.

Экраны снова ожили, показав удивительной красоты и странности панораму.

То ли долина, то ли каньон. Огромная воронка перевернутым конусом уходила в недра скалистого хребта. По краям отчетливо просматривались ярусы – карнизы из окаменевшей глины, усеянные обломками. Кое-где камень откосов оплетало подобие технических конструкций – ажурные, острых форм каркасы из матового металла или пластика. В постройках чувствовалась некая странность – Стриж понял – они не имели смысла. По крайней мере, смысла, понятного человеку. Несимметричные, болезненные изломы ажурных вышек наводили на мысли о разрушении. Кукольный блеск изображения указывал на кибер-реконструкцию макета.

– Объект называли Воронка Оркуса.

– Эта реконструкция – все, что есть?

– Да, все. Остальное пойдем на месте. Наша задача – достичь объекта. Осмотреться. Сделать картографическую съемку местности, специалист имеется – это я сам. Главное – проверить объект на наличие подземных сооружений. И – наблюдать. Каждая странность, ментальная, психическая, интуитивная, физическая и подлежит фиксации. Заносить ее описание будете на диктофон, копии делать на бумагу – поменьше электронных устройств. В остальном – действуем по обстоятельствам. Еще вопросы будут?

Девушка-псионик подняла голову.

– Медицинское оборудование...

– Никакой электроники. Все, что разрешено, вам предоставят. Антибиотики, обезболивающее, перевязочный материал. Никакой сложной диагностики и лечебной техники. В случае чего используйте ваши сострадателя... У вас, Фалиан, вопросу будут?

Старик, похожий на фермера, коротко ответил:

– Нет.

– Тогда – конец брифинга. Время отправления вам сообщат дополнительно. Извините – до момента отправки мы вынуждены ограничить внешние контакты. Помещение и все, что пожелаете в разумных пределах, вам всем предоставят в стенах штаб-квартиры.

«То есть меня лично сейчас же засунут в камеру», – подумал Стриж. Хиллориан на выходе взял его под руку – то ли приятельский жест, то ли попытка сопровождения. Дезет повернулся к полковнику.

– У меня есть к вам пара вопросов – с глазу на глаз.

Хиллориан кивнул и остановился, выжидая, пока остальные покинут комнату.

– И?

– Это что – попытка самоубийства новым способом? Состав группы у вас интересный. Девушка небоеспособна. Может быть, я шовинист, но дойди там дело до настоящей акции, она – смертница на сто процентов. Старый хрен, фермер с каленусийского востока был хорош, но только лет двадцать назад. Таких, как он, только помоложе, я частенько держал на прицеле. Увы, сейчас из деда сыплется песок. Зачем мальчишка – я не понял совсем. Ваша акция – полный бред. Или вы мне лжете.

– Это не обычная акция. С чего вы взяли, что дело там дойдет до стрельбы или, тем более, рукопашной? С кем? Каньон пуст уже несколько лет – оттуда все разумные разбежались. Эти люди, Стриж, лучшие – в своем роде, и в Каленусии, да и в Иллире тоже, не сомневайтесь. Девочка – сенс шестой категории. Она легко читает эмоции безо всяких приспособлений, а в пиковые моменты формы – мысли.

Стриж тихо присвистнул.

– Впрочем, вас, нулевика, и ей не прочесть... Так что не смущайтесь. Кстати, вы в Форт-Харай следили за новостями?

– Очень мало.

– Значит, не в курсе. Старик, которого вы видели, глушит моторы ментальным усилием и делает пси-наводку на уникам-передачи, причем, наводку, оформленную в слова. И снова безо всяких приспособлений. Других таких людей больше нет, а если придется драться – ваш опыт с лихвой перекроет их недостатки.

– А мальчишка зачем?

– Просто так. Старик фанатично верит, что внук – его резонатор для связи с пресловутым Мировым Разумом. На самом деле, паренек – полная бездарь. Впрочем, за парня отвечает только Фалиан. Да, это балласт, но не ваш. Вы можете просто не принимать его во внимание.

– Даже в случае опасности?

– Даже в случае. Если мальчишка потеряется или умрет, с вас никто не спросит.

По замкнутому лицу Дезета невозможно было определить, как он воспринял такую новость.

– Я увижу дочь последний раз?

– Нет, теперь все. Только когда вернетесь.

– Я могу выйти в город?

– Вы рехнулись – нет, конечно.

– Мне не нравится это дело. Я не люблю чрезмерные странности.

– Поздно. Теперь придется полюбить. Если упретесь, мы вас в два счета экстрадируем на неласковую родину. Хотите?

– Нет.

– Тогда не дергайтесь и делайте, что говорят.

– Ладно, я приму это к сведению. До встречи в огне, полковник.

– До встречи. И давайте без обид. Охрана, проводите гостя.

* * *

Иеремия спал, вытянув ноги на низком кожаном диване. Односторонний стационарный уникам мерцал, мультфильм на экране причудливо искажали помехи. Мюф чуть приоткрыл дверь и выглянул в щель – третий раз за последние пять часов. Коротко стриженный охранник в сером мундире топтался почти у самого входа.

– Не выглядывай, парень. Тебе нельзя.

– Уник сломался.

– Я вызову техника. А ты – ну-ка, закрой дверь, живо.

Пришлось вернуться. Мюф выждал и снова высунулся. Стриженный охранник, повернувшись спиной и прислонившись к стене, сосредоточенно говорил в портативное устройство связи. Мюф беззвучно выскользнул в коридор, ловко юркнул за угол, снял с вешалки коричневый халат техника, что поменьше, на ходу натянул его, закатал длинные рукава. В коридоре через равные промежутки попадались двери – иногда стеклянные, порой – из толстого металла, с прорезью для электронного жетона. Долговязый мужчина, тоже в форме техника, вышел как раз из такой двери, и рассеянно прошагал мимо низкорослого «коллеги».

Удовлетворенный успехом Мюф проследил за его спиной и тут же воспользовался незапертой дверью. Внутри оказалось безлюдно и спокойно. Вдоль стен и поперек вытянутой комнаты располагались стеллажи с запчастями для киберов. Один угол занимал захламленный стол – разбросанные бумаги, коробка с чипами памяти, недопитая чашка жидкого кофе стояла рядом с терминалом. В другом углу громоздился сейф.

Мюф воровато огляделся, выбрал один чип наугад и сунул в карман штанов, а потом попытался крутить замок сейфа.

– Стоять. Руки за голову!

Мюф обернулся. Незнакомый военный с жестким лицом и щеточкой усов целился в него из настоящего пистолета. Глаза у владельца излучателя были прозрачные, белесые и холодные, словно окна в пустую, до блеска вымытую кафельную комнату, в которой, однако, творили что-то плохое.

– К стене.

Мюф выполнил приказ, едва сдерживая слезы ужаса.

– Имя?

– Мюф Фалиан.

– ...Этот парень – мой подопечный, Доктор. Из проекта Хиллориана...

За спиной усатого появился смущенный охранник в серой униформе, но «доктор» и не подумал отвести от Фалиана-младшего ствол.

– Почему он здесь?

– Мальчишка сбежал погулять.

– Я доложу о вашем раздолбайстве, Кравич.

– Угрожаете? Я не вашего ведомства, Док.

– Предупреждаю, Кравич. Предупреждаю и обещаю.

Мюф физически почувствовал испуг охранника, стриженный парень, однако, быстро овладел собою.

– Ладно. Разберемся. Сейчас я должен забрать его и водворить на место – в бокс... У меня приказ Хиллориана, – чересчур поспешно добавил страж.

Белесоглазый помедлил, видимо, получая от ситуации острое удовольствие, мазнул по Мюфу пустым брезгливым взглядом, потом нехотя опустил ствол.

– Ладно. До встречи в другом месте, Кравич.

Стриженный сухо, спокойно кивнул.

– Был рад пообщаться. Прощайте, Доктор.

После этого охранник цепко ухватил Фалиана-младшего за шиворот, одним движением вытряхнул из краденого халата и грубо выволок в коридор. Как только раздвижная дверь отделила их от Доктора, конвоир-спаситель молча, с размаху влепил Мюфу крепкую пощечину.

* * *

Белочка еще раз пересмотрела выданные ей медикаменты и инструмент. Ни детекторов, ни электронных зондов, ни медицинского кибера в набор не включили. К отличным хирургические инструменты прилагался устаревший стерилизатор для кипячения. В аккуратных план-

шетах набор одноразовых шприц-тюбиков – отдельно антибиотики, отдельно противошоковое и стимуляторы. Перевязочный материал и гели для ран в коробках.

Закончив осмотр, Джу упаковала два полных контейнера, вскрыла пакет с жидким пластиком и опечатала крышки личной печатью. Затем легла на койку и, уставившись в потолок, сняла пси-барьер.

Хиллориан представлялся ей черным, литым силуэтом. Яркий «свет» за спиной полковника мешал Белочке видеть его лицо. Силуэт властно, без слов позвал ее, указывая куда-то в сторону. Белочка скосила глаза – в серой, туманной пустоте, на высоте чуть более метра висел светящийся конус. Каким-то образом Белочка поняла, что Хиллориан боится призрачного света конуса. Полковник источал тьму. Тяжелый силуэт без слов просил о помощи, одновременно смутно угрожая. Джу отстранилась с досадой, разорванный контакт отозвался болью в висках, жалостью и тонким, на грани слышимости, звоном порванной струны...

...Иеремия полыхал мягким, желтым светом. Где-то поодаль шевелилась отдельная от Иеремии сущность, связанная с ним незримой прочной нитью. Белочка потянулась ближе и встретила сопротивление – будто чья-то рука незлобно, но решительно толкнула ее в грудь. Сущность заволновалась, исходя рябью, темнея. Старик оставался светел. Рядом мерцала изумрудно-зеленая тень поменьше...

...Холод. Лед. Блестящая, жесткая непроницаемая стена. Сущность Александра Дезета отторгла ее сразу и бесповоротно. Настоящего контакта не получилось. Белочка скользнула вдоль стены, стараясь не прикасаться к ее обжигающе-холодной, враждебной поверхности. Единственным видением, которое ей удалось вызвать, оказались ее собственные воспоминания – тот, наполовину неудачный опыт в салоне виртуальных приключений, во время которого Джу потеряла сознание. Сейчас обморочный мираж вернулся, насыщенный неподдельным ужасом. Ветер, слабый запах полыни. Потрескавшаяся, забрызганная бурой кровью стена. Джу отшатнулась – видение погасло, и в этот миг наполовину вспомнила, наполовину поняла, кем был этот человек...

«Я не верю Хиллориану. Я боюсь Дезета». Пути назад уже не было. Белочка закусила костяшки пальцев и беззвучно, без слез, заплакала.

* * *

Этой ночью Стриж долго не спал. Он далеко за полночь мерил шагами камеру специального блока – так делали до него сотни заключенных. Многочисленные датчики, записывающие каждый вздох иллирианца, не уловили ничего интересного, кроме одного-единственного без конца повторяемого слова на чужом, ненавистном каленусийцам языке. «Spes. Spes».

Spes – это надежда.

* * *

Полковник Хиллориан тоже не спал. Он осмотрел свою одинокую квартиру в тихом, чистом пригороде Порт-Калинуса. Поискал спрятанные датчики – не нашел. Отключил суетливого домашнего кибера, опустил и наглухо закрыл шторы. Собрал и долго жег на кухне бумаги, бросая их в настоящий дровяной камин. Бумага корчилась, рассыпаясь седым пеплом. Потом, когда снаружи забрезжил тускло-розовый рассвет, полковник встал и вышел за порог. В замке сухо и прощально шелкнул ключ.

Часть вторая. Горы Янга

Глава 6. Сомнения

Каленусия, сектор западного побережья, день «Z»

Вертолеты уходили на юг по широкой дуге, внизу пестрели темно-красные, ярко-желтые и свинцово-серые крыши Порт-Калинуса. Белочка припала к окну, наблюдая, впитывая, прощаясь...

Хиллориан ободряюще улыбнулся. Мюф расплющил нос о стекло, Иеремия закрыл глаза, кажется, он читал про себя молитву. Помощник летчика подмигнул товарищу, через плечо указал на старика и украдкой постучал себя по виску. Невыспавшийся Стриж равнодушно чистил ногти подобранной во дворе гладкой щепочкой.

Побережье внизу белело рваной лентой прибой, машины то удалялись вглубь суши, то приближались к бесконечному пространству темно-синей воды.

Хиллориан склонился к Джу, стараясь перекрыть шум.

– Через два часа будем на базе Лора. Там дозаправка.

– А?

– На Лора.

Джу подавилась – это место считалось секретным объектом, не доступным простым смертным.

Стриж слегка заинтересовался.

– Сколько будет промежуточных посадок?

– Одна. Только не надейтесь, что сумеете сбежать.

– У вас нет никакой логики. Хотел бы я сбежать – сбежал бы еще из Форт-Харай. Раз настолько не доверяете, какой холеры везете с собой?

Хиллориан засмеялся.

– Проблема в том, что других «нулевигов» под рукой нет. К тому же ваша дочь – ваша слабость, ситуация удобна для контроля.

– Как здорово – еще раз напомнить мне об этом...

Пока эти двое пререкались, Мюф притянул Белочку за руку, прошептал ей в самое ухо:

– У меня кое-что есть. Чип для кибера.

– У тебя же кибера нет.

– Дед мне не разрешает.

– А ты бы хотел?

– Да.

– Когда вернемся из путешествия, я покажу тебе настоящих киберов, разных. Одного могу подарить.

На румяной физиономии Мюфа отразилась сладкая мука искушаемого праведника.

– Не врешь?

– Нет. Чтобы я сдохла, если вру.

Мюф простодушно принял клятву – очень уж хотелось верить.

– Ладно. Может быть, ты и сносная девчонка, и тебе можно доверить один секрет...

Он хотел рассказать про свое недавнее открытие – люди в сером не одинаковы, и у таинственного, сердитого Хиллориана есть враги одного с ним цвета. Оформить открытие в слова не получилось – в запасе у Мюфа попросту не оказалось нужных слов. И он добавил на всякий случай:

– Потом.

Мюф тут уже отвлекся, достал перочинный нож, моток липкой ленты, палочку, пестрое перышко индюка и принялся мастерить самодельный дротик. Джу, подавив улыбку, лениво прикрыла ореховые глаза, и принялась подслушивать разговор полковника с иллирианским сардаром. Слова глушил шум, выражения лиц выдавали, пожалуй, нарастающий спор. Задействовать ментальный контроль она так и не решилась.

Иеремия в своем углу поднял голову и первый раз цепко и внимательно посмотрел на Белочку...

* * *

На базе Лора их ждали. Груз доверили охране, оставив в опустевшем брюхе вертолета. Джу отдохнула, справилась, с тошнотой перелета, в личном отсеке вымыла и высушила волосы. Ужин оказался неплох, жизнь перестала казаться беспросветной чередой неудач. Белочка залезла под одеяло, ментальным приказом включила лампу на стене и открыла единственное оказавшееся под рукою чтение – «Карманный справочник врача». Полузабытая наука напомнила Птеродактиля, а Птеродактиль – отца. Джулия прикинула, что сказал бы уважаемый доцент Симониан, увидев свою дочку в нынешних обстоятельствах и откровенно опасной компании – результат размышлений доставил ей злорадное удовольствие. Уже засыпая, она поняла, что переиграла отца, изжив детскую обиду.

Снов Белочка не помнила. Проснулась она среди ночи, с острым чувством тревоги и некоторое время лежала в темноте, прислушиваясь к шорохам. Кто-то осторожно скребся в дверь. Джу встала, бесшумно, босыми ногами прошла на цыпочках.

– Кто?

– Я.

Испуганный Мюф прерывисто шептал прямо в замочную скважину.

– Можно мне войти?

– Залетай.

Джу поправила пижаму и сердито распахнула дверь.

– Ты чего не спишь, конопатый?

– Я не конопатый, я веснушчатый.

– Иди спать.

– Не получается. Я хмуриков боюсь. Хмурики приходят из темноты.

– А дедушка? Ты ему рассказал?

– Я звал его – он не просыпается.

Джу осторожно прощупала трепещущий разум Мюфа. И отшатнулась – видение получилось жутковатое: серый комок бесформенного ничто наплывал, давил, лишая сил. Фалиан-младший схватил ее за край пижамной курточки, Белочка услышала как часто колотится маленькое сердце.

Опыт псионика подсказывал – за страшным образом нередко кроются банальные причины, а настоящие опасности лучше встречать лицом к лицу.

– Пошли, посмотрим.

– Я боюсь.

– Не бойся, мы потихоньку. Я – псионик и знаю, как обмануть хмуриков.

Убежденный крепкими аргументами Мюф слегка успокоился. Джулия сунула ноги в парусиновые ботинки и, держа за руку настороженного мальчишку, прикинула, куда могло выходить окно Фалианов. Получалось – на юг. Бегать в пижаме мимо охраны Белочке не хотелось, она прошла вдоль ровного ряда дверей к единственному окну. Со второго этажа приземистого корпуса открывался замечательный вид на вертолетную площадку. Часового на месте

не оказалось. Около машины кто-то возился – густой сумрак мешал Джулии рассмотреть лицо. Белочка ослепительно улыбнулась, демонстрируя безмятежность.

– Это полковник забыл свою зубную щетку. Он ее достает из багажа.

Все еще испуганный Мюф слегка хрюкнул от смеха.

– У него зубы из пластика. Я сам видел.

Джу небожно дернула довольного сорванца за ухо.

– Не смей больше будить меня по пустякам. Приходи, если узнаешь важное.

– А кибер?

– Все будет. Мое слово – самое надежное. Мы с тобой как два героя против плохих парней. Понял?

Мюф принял понятную аналогию и успокоился. Белочка проводила мальчишку до его отсека, никем не замеченной вернулась к себе. Странность ситуации она осознала постепенно – после того, как в полной тишине неподалеку услышала четкий, резкий, немного приглушенный стук двери. Кто-то из участников экспедиции и впрямь только-только вернулся с ночной прогулки...

* * *

Каленусия, Южная равнина, день «Z+1»

Утро выдалось ветреное и прохладное. Фиолетовая мгла укрывала южный горизонт. Команду спешно загрузили в вертолеты. Если ночной незнакомец и покопался в грузе, видимых следов вмешательства не осталось. Печати на собственных контейнерах Белочки казались нетронутыми. Мешки полковника, Дезета и Фалиана лежали аккуратно, на тех же местах. Таинственный «хмурик» как дым растаял с первыми лучами.

Мюф доделал свой дротик и теперь пристраивался метать его, выбрав вместо цели ботинок Стрижа. Дезет украдкой показал нахалу кулак. Фалиан-младший понял намек и перебрался под защиту Белочки. Иеремия казался до странности отрешенным. Полковник нервничал без видимых причин.

Машины взмыли вверх, подняв тучу мелкой пыли. Лора осталась на севере, степь, потеряв остатки редких рощиц, сменился засушливой равниной. Кочки полумертвых трав казались волдырями, оставленными на земле болезнью. Правее, в отдалении, мелькала бурая спина зверя, опрометью бегущего прочь от вертолетов. Хищные тени машин стлались по земле.

Стриж окликнул Хиллориана.

– Полковник, это оно?

Наблюдатель сухо кивнул, подтверждая. Равнину южнее Лора, почти до самых гор, первые колонисты превратили в поле войны. Зараженная радиацией земля до сих пор чуть светилась под покровом больных трав... Геония бедна на минералы, необходимые для ядерных технологий. Возможно, это обстоятельство спасло остаткам поселенцев жизнь – после того, они максимальным эффектом истратили привезенный запас.

...Помощник летчика встревожено обернулся, оторвавшись от приборов связи.

– Вас вызывает Лора, полковник.

Хиллориан вынул из поясной сумки личный уникон, переключил его на прием «немного» текста – строчки, невидимые другим, побежали по миниатюрному экрану.

Стриж демонстративно («не нужны мне ваши тайны – устал») отвернулся. Наблюдатель еще раз перечитал сообщение, чувствуя, как сердце неровно колотится в ребра. Потом убрал устройство в сумку, сел поудобнее, вытянув ноги.

– Капитан, далеко еще до границы зараженной территории?

- Если с такой же скоростью – полчаса лету.
- Как только перевалим линию, посадите нас в безопасном месте.
- Есть.

Хиллориан обернулся к Белочке и Иеремии.

– Произошли изменения, господа. На связь вышла Лора – у них срочные новости. Нет смысла скрывать – граница аномальной зоны, судя по последним измерениям, сместилась. Придется нам высадиться на пустошах – иначе вертолеты эскорта попадут прямоком в радиус пси-воздействия.

- Во сколько лишних километров пешком нам это обойдется, колонель?

- Не менее сотни, Алекс.

Стриж тихо присвистнул.

- С этим составом команды...

– Заткнитесь. Я уже сказал вам – другого состава не будет. Что там с замерами радиации, Уил?

Летчик бросил взгляд на индикатор.

– Падает, но очень медленно. Пока нас неплохо экранирует обшивка машины, но я не хотел бы оказаться за бортом.

- Как скоро войдем в пси-зону?

- По грубым оценкам – через пятнадцать минут.

- Командуй возвращение всем машинам эскорта. Дальше полетим одни.

Иеремия освободился от крепления безопасности и попытался встать. Белочка заметила, что губы старика беззвучно шевелятся. Немые слова сами сложились в древний, как эта равнина, текст:

Не бойся змеи, скользкой во мраке,

Не бойся печали под солнцем,

Не бойся ужаса, идущего среди звезд.

- Десять минут до входа в зону...

- Радиация?

- Дважды перекрывает предел.

- Тяни, сколько сможешь, капитан.

Летчик вымученно улыбнулся. Лоб с ранними залысинами блестел от пота под короной устройства связи.

- Даже лучший из лучших не сможет вести такую машину в Аномалии.

- Как только поймешь, что это предел, сажай борт.

- Даже на радиоактивное пятно?

- Да.

Неестественно спокойный Стриж обернулся к девушке.

- Советую вам держаться как следует. Посадка обещает быть жесткой. Получиться

Мюф присмирел. Веснушки на носу мальчишки поблекли. Белочка заодно затянула потуже и его крепление. Иеремия читал нараспев:

Не бойся чудовищ, порожденный жарой

Не бойся стрел, пронзающих незримо...

Полковник оглянулся через плечо – его лицо пошло красными пятнами.

– Молчать. Да займите же кресло, Фалиан! И закрепитесь, холера вас заберит – Мировой Разум не помогает тем, кто сам себе не помогает! Дезет, не сидите истуканом – покажите им, как надо.

Летчик пробормотал, не оборачиваясь, голос его внезапно охрип:

- Пять минут до входа в зону... Радиация – полтора.

- Сбрось скорость. Садимся. Держись пониже, Уил. Еще ниже...

– Мы изжаримся до костей.

– Спокойно, нас экранирует корпус.

Белочка даже сквозь пси-барьер ощущала, как в разуме пилота мечется ужас.

Она чуть-чуть ослабила этот барьер и добавила легкий ментальный толчок к словесным убеждениям Хиллориана. Вертолет опустился – мелькание приблизившихся кустов слилось в единую пеструю сумятицу.

– Три минуты до входа в зону... Две...

Белочка опустила лицо к коленям, прикрыла затылок сцепленными руками.

Границу пси-Аномалии она почувствовала как прыжок в кипящий хаос – под сводом черепа взорвалась какофония звуков, рассыпался цветными искрами фейерверк холодного огня. Под напором образов, звуков и красок пси-барьер прогнулся, истончаясь, как стенка мыльного пузыря. Джу напрягла силы, удерживая защиту. Писк, вой и шепот тут же ослабли, превратившись в едва заметное, на грани слышимого, жужжание. Реальность обрела свои права.

Хаос замолчал.

Полуоглохшая Белочка поняла – обычные звуки тоже почти исчезли. Остановившиеся винты молчали. В ту же секунду винтокрылая машина беспомощно рухнула вниз. Джу еще успела услышать как пронзительно, по-заячьи, заверещал Мюф...

* * *

– Да очнитесь же, колонель... Колонель!

Хиллориан охнул, держась за поясницу. Вместо серой крыши кабины над ним нависало зеленовато-голубое, в легкой перистой дымке небо. На фоне холодноватого марева возник силуэт Стрижа. Иллирианец щурился как от головной боли, левую щеку перечеркнула кровоточащая царапина.

– Подъем, полковник!

Хиллориан вставал медленно, впервые ощущая, что сорок три – не самый лучший возраст для полевых акций.

– Что с другими?

– Один труп. Прочее – увидите сами.

Машина раскололась, но не взорвалась, ее остов примял жесткую траву и ползучие плети мутировавшего кустарника. Неряшливо грудой лежали выпавшие из отсека вещи. Рядом сквозь потрепанный брезент проступал контур тела. Хиллориан откинул край. Пустой взгляд Уила упирался в зенит. Ко лбу прилипла травинка.

– Вы даже не закрыли ему глаза.

– Некогда было.

Полковник с трудом сдержал желание ударить Стрижа. Желание было несправедливым – Дезет сделал все, что мог, глупо требовать от иллирианца сентиментальности по отношению к мертвому каленусийскому офицеру. Прощай, старый друг – беззвучно пробормотал Хиллориан и осторожно опустил покрывало на холодное лицо Уила.

– Что с радиацией?

– Измерял. Как раз на пределе допустимого. Если мы за день уйдем с пятна, я скажу – легко отделались. Думаю, успеем. И еще – смотрите – на юге видны горы.

– Что с людьми? Раздайте им дозиметры.

– Уже. Возьмите, кстати, свой.

Полковник сунул коробочку во внутренний карман, огляделся, борясь с волною накатившей тошноты. Пахло разлитым топливом.

– Странно, что мы не взлетели на воздух.

- Пси-зона не любит взрывы.
- Она что – физические законы отменяет?
- Не знаю. Уникимы здесь не работают – уже проверено.

Бледная до синевы Джулия подошла неслышно. Мальчишка, конопатый, внук Фалиана, хромал рядом. Иеремия сидел на корточках, придерживая за плечи выжившего помощника Уила. Лейтенанта (имя ускользнуло из памяти Хиллориана) мучительно рвало.

- Вы врач, Симониан, или только часть груза? Помогите раненым.

Вертолетчик глухо отозвался.

- Я в порядке, полковник, это минутное...

Джу неуверенно пошла в сторону сваленных вещей – за своим оборудованием. Стриж покачал головой.

– Бросьте беситься, колонель, парень переблевался не от сотрясения, а от страха. Аномалия обостряет деструктивные эмоции.

Полковник мысленно согласился. Придавленные случившимся люди собрались вокруг наблюдателя.

– Симониан – дозу стимулятора каждому. Лейтенант, прикройте тело обломками кабины. Вещи на себя, уходим. Если присутствующим дорого собственное будущее, к вечеру мы должны уйти с «пятна».

Белочка возилась возле багажа. Стриж зашуршал картой.

- Куда двинем?

– Юго-юго запад. Сейчас Аномалия слишком «распухла». Такого не было никогда. Обычно там чистая территория и горноспасательный пост. Оставим у спасателей лейтенанта, попробуем наладить связь...

- На два слова в сторону, колонель.

Хиллориан перешагнул через лужу топлива. Стриж выглядел чуть менее уверенным, чем обычно.

- Вы в курсе, отчего погиб капитан? На нем ни царапинки.
- Может быть, внутреннее кровоизлияние. Нам сейчас не до вскрытия.
- Дезет с сомнением покачал головой.
- Сдается мне, это шутки Аномалии. Информация бы пригодилась.
- Я не отдам приказа пятьдесят километров тащить мертвое тело по жаре.
- Понял, не стану спорить, но я бы на вашем месте готовился к неожиданностям.
- Вы не на моем месте, Стриж.

Полковник опять с трудом удержал приступ неестественного озлобления.

- Симониан, где вы? Готовьте стимуляторы для группы.

Вернувшаяся Белочка смотрела широко распахнутыми, остановившимися ореховыми глазами.

- Стимуляторов нет.
- Как нет? Контейнеры разбились?
- Целы. Пломбы срезаны. Кто-то забрал оттуда ампулы.
- Что?!.. Когда он успел?!..

...Кучка людей под белесым небом, у разбитого остова машины. Зной. Страх. Сухая трава. Незнание...

Глава 7. Преодоление неизвестности

Каленусия, Южная равнина, день «Z+2»

Белочка поправила широкую лямку рюкзака, смахнула с бровей непослушную каштановую прядь. Экспедиция второй день уходила на юго-восток. Крайнее напряжение сил уже отзывалось звоном в ушах, мелкой дрожью в пальцах, ватной слабостью в коленях. Джу с тоской подумала о пропавших стимуляторах, но тут же отогнала предательскую мысль. Во-первых, что упало, то пропало, и сожалениями делу не поможешь. Во-вторых, неизвестно, чем мог обернуться прием стимуляторов в Аномалии.

Обстоятельства исчезновения ампул интересовали ее в основном с другой точки зрения – таинственный «хмурик» Мюфа стремительно обретал злую волю, но все еще сохранял инкогнито.

– Привал.

Белочка сбросила мешок и села, о все еще слегка радиоактивной почве она старалась не думать. Полковник выглядел изможденным, его приступ ярости прошел бесследно. Вчера Хиллориан едва не устроил заведомо бесполезный повальный обыск на предмет пропавших ампул – в безрассудном гневном наблюдении проглядывало что-то неестественное. Белочка холодным умом отметила этот факт. В принципе, выбор подозреваемых у нее не велик – ищи, кому выгодно.

Номер первый – конечно, иллирианец. У Дезета природный пси-ноль. Аномалии он не по зубам, что и показал вчера во все красе – пожалуй, лишь бывший сардар сохранил самообладание. Если иллирианец вздумает удрать и вместо гор Янга отправится, скажем, к восточной границе, без стимуляторов с ним не справится даже полковник. Версия показалась Белочке неплохой, но в нее не укладывался важный факт – в момент аварии Дезет не сбежал и сделал все, что мог, для спасения экспедиции.

Подозреваемый номер два – Иеремия. Упрямый сектант не нравился Джулии. Он мог вытащить грешные ампулы и попросту метнуть их в мусорный бачок...

..Эта версия тоже имела недостаток. Стимуляторы исчезли еще на базе Лора. Печати на контейнерах не сломали, а аккуратно и незаметно надрезали бритвой. Мюф, который первым заметил ночного визитера на вертолетной площадке, в эту же самую минуту видел Иерию спящим.

Неужели – сам полковник?

Но – зачем?

Меж острых лопаточек Джу забегали мурашки. Что она знает о Хиллориане? Ничего. Она поневоле доверила собственную жизнь черному, литому силуэту из видения. Впрочем, в настойчивое желание полковника загубить собственный проект верилось все-таки с трудом. Понурившаяся Белочка устало отметила, что зашла в тупик. В конце концов, несколько ампул с допингом – не такая уж ценность. Это только маленький сигнал, короткий звоночек судьбы – будь осторожной, будь очень осторожной, Джу...

* * *

Каленусия, Южная равнина, день «Z+2», ближе к вечеру

Красно-белый, полосатый домик спасателей походил на игрушку и выделялся на фоне бурой пустоши. Громада гор приблизилась. Игольчатый пик сиял уменьшившимся за лето лед-

ником. Шестеро людей – четверо мужчин, девушка и ребенок остановились, разглядывая долгожданную цель.

– Вы думаете, нас там ждут, колонель?

– Вот уж сомневаюсь, Стриж.

– Тихо здесь.

– Я бы так не сказал – вы не слышите отдаленного, низкого гула, писка на грани слышимости, вам не кажется, что каждый шаг отдается эхом?

– Нет. Вы же знаете – я глух, как удав, к пси-аномалиям.

– Счастливчик.

– Хотите полностью поменяться со мной местами?

– Нет.

Оба они принужденно засмеялись. Голоса бессильно гасли на открытом пространстве.

– Проверьте дом, лейтенант, – приказал Хиллориан. – Если спасатели на месте, объясните наш визит.

Прежде чем идти к дому, вертолетчик вытащил пистолет и снял его с предохранителя. Повисла неловкая пауза. Переменчивый ветер раскачивал резной флюгер над плоской крышей.

– Он выходит... Что там, Дирк?

– Живых – нет. Есть... о, Господи...

Лейтенант согнулся в приступе рвоты. Хиллориан поморщился.

– Возьмите себя в руки, что за слабость. Вы что – никогда не видели трупов? Возьмите, второй пистолет, Дезет. Пошли...

За скрипучей дверью низко гудела стоя мелкого гнуса. Стриж тихо присвистнул, отстранился от липкого, покрытого бурым потеками косяка. Коричневые засохшие капли густо пятнали пол. Низкий стол оказался завален тарелками – остатки обеда давно засохли. Коренастый человек сидел, уронив голову на крышу стола. Из-под щеки и лба на скатерть в цветочках натекла уже запекшаяся лужа.

– Выстрел в лицо. Радикальная работа.

– Заткнитесь. Не стройте из себя циника. Это амок. Сюда пришелся главный удар Аномалии.

Они, разделившись, методично обыскали дом. Убийца коренастого не ушел далеко. Тело (вернее, то, что от него осталось) обнаружилось в кладовой, рядом с колодой для рубки мяса. На поясе отделенного от головы тела болталась пустая кобура. Разряженный пистолет валялся рядом.

Стриж отвернулся. В доме пахло лишь тленом. За окном – снова, как в Ахара – надсадно звенели цикады.

– Сколько их здесь было, колонель?

– Четверо. В том числе жена их шефа. Она в спальне. Не ходите туда, Дезет. Она мертва, этим все сказано.

– Где четвертый?

– Думаю, бежит неподалеку.

Стриж чуть приподнял пистолет.

– Как вы смотрите на то, чтобы найти его, колонель?

– А ведь придется. Не ночевать же, имея маньяка под боком.

...Четвертый отыскался быстро. Неправдоподобно вытянутое тело качалось на заднем дворике, в петле. Самоубийца привязал веревку к стойке насоса возле артезианской скважины. Низко висящие ноги трупа уже обглодали зверьки. Отмывать дом ради ночевки не имело смысла. Спасть устроились, разбив палатку на пустоши. Иеремия (поддержанный на этот раз Белочкой) настоял – и на заднем дворе, в мягкой влажной почве, вырыли неглубокую яму. Туда опустили тела – жертвы и убийцы легли рядом. Перед тем, как забросать яму землей,

Стриж прикрыл изуродованную голову женщины найденным в доме полотенцем. Ночью прошел дождь. К утру смыло все следы.

* * *

Каленусия, Южная равнина, день «Z+4»

Игольчатый пик пронзал небо. Громада гор заслонила южный горизонт. Стало меньше травы, больше валунов. Узкая полоска земли, зажата между зараженной территорией и пси-аномалией, изобиловала странноватой, причудливой жизнью. На третий день похода Белочка нашла змею с двумя головами. Бледно-розовое, глянцево-тело гада извивалось на песчаной проплешине. Потревоженная рептилия билась, зарываясь в песок. Лейтенант Дирк разрядил обойму, тщетно пытаясь пристрелить мутанта – пули чиркали и чиркали по камням, поднимали фонтанчики песка. Хиллориан в очередной раз рявкнул на вертолетчика, но тот, похоже, даже толком не расслышал разнosa.

Джу с ужасом и жалостью смотрела на Дирка – Аномалия медленно выпивала из лейтенанта ту неуловимую, тонкую субстанцию, которую древние называли душой. Белочка легко вошла в ослабевший разум вертолетчика. Он походил на пыльную пустую комнату, в которой по углам колыхается рваная паутина, на растрескавшемся полу, обязательно чуть левее центра, лежит забытая, раздавленная каблуком, пачка дешевых сигарет. Джу отчаявшись, пошла к Хиллориану. Полковник внимательно выслушал ее и сухо поблагодарил.

– Спасибо, Симониан. Я ценю вашу тщательность. Нам сейчас некуда деть лейтенанта Дирка. Помочь ему нельзя, поэтому оставим все как есть.

Белочка отошла – логика Хиллориана выглядела безупречной. Дирк тихо чах, зато Мюф оказался источником утешения – мальчишка схватывал ситуацию на лету, тенью следуя за полковником и Стрижом. Странная полудружба-полувражда сардара и наблюдателя очень занимала Белочку. Оба они не обращали на Фалиана-младшего никакого внимания, а он постоянно крутился рядом. Ночью, в пыльной темноте палатки Мюф выныривал из спального мешка, прижимался конопатым носом к уху Джу и шептал, шептал захлебываясь – о том, что полковник насовсем отдал Алексу второй пистолет, что дедушка молится Разуму и один раз плакал, а Дирк пытался открыть вновь опечатанный «ящик с таблетками». Последнее поразило Белочку – вертолетчик никак не мог оказаться «хмуриком». Скорее всего, Дирка влек к лекарствам инстинкт погибающего животного.

Иногда, самой глухой ночью, мучительно обволакивая, возвращался кипящий Хаос. Насмешливо свистели помехи, вкрадчиво шептали холодные звезды, грозно ревел прибор. Жадные серые нити Хаоса ненадолго оплетали сознание и тут же распадалась невесомой пылью – Белочка научилась их побеждать.

* * *

Каленусия, Горы Янга, день «Z+6»

Они достигли предгорий на шестой, если считать от вылета из Порт-Калинуса, день. Трава здесь стала гуще, стеной стоял остролистный кустарник, местами били ключи. Идти стало труднее – тропу отыскать не удалось, низкорослый Мюф уставал, путаясь в зарослях. Зато Фалиан ожил, как будто на каменистой равнине осталось нечто, что угнетало старого луддита.

Хиллориан попробовал оживить уником, но не ловились даже помехи. Иеремия, преодолев идейное отвращение, после долгих уговоров, попытался ментально «подлечить» мертвый прибор. Эксперимент не принес успеха – гнет Аномалии глушил попытки псионика. Причудливые галлюцинации мучили всех – на них не жаловались разве что ребенок и Стриж. Но не были ли ли видения Стрижа попросту более тонкими, неотличимыми от реальности? Дезет все чаще представлял себе зажавшуюся, растекшуюся по Вселенной, грезящую иллюзорными снами Аномалию...

Конец размышлениям об иллюзорности бытия положили самые банальные события. Однажды на привале иллирианец, который нес брезентовое ведро с водой, запнулся о корень падуба. Ледяной поток обрушился на задремавшего Фалиана. Промокший луддит встал, двумя руками отряхивая капли со лба и коротко стриженной седой бороды.

– Смотри, куда ступаешь, парень.

– Извините. Клянусь, это случайность.

Стриж отставил в сторону пустое, мгновенно сморщившееся ведро и потянул через голову мокрую насквозь рубашку. Возня с одеждой отвлекла его внимание всего-то на пару секунд. В тот момент, когда залитая рубашка полетела на траву, иллирианец получил полный удар, нацеленный в скулу. Фактор неожиданности оказался решающим – Дезет потерял равновесие и очутился на земле. Над ним возвышался взбешенный, Иеремия. Палец фермера твердо показывал в сторону плеча Дезета – прямо на крылатую номерную татуировку SRDR.

– Ты из иллирианских сардаров.

Дезет сел на корточки, в ушах немного звенело.

– Допустим, я им был. И что?

– За тобой должок, парень. – Иеремия Фалиан хладнокровно извлек из-за пояса хорошо заточенный нож. – Такие, как ты, хорошо поработали в Ахара – излучателями и тесаклами. Вставай.

– Забери меня холера, я не буду драться с престарелым психопатом.

– А я тебе отрежу уши, сукин сын, как это делали ваши люди с нашими братьями.

Дезет мягко вскочил, понимая – от проповедника и в самом деле можно дожидаться удара ножом. Иеремия в этот момент смахивал на поджарого, сивого от старости медведя, вскинувшегося на дыбы. Он держал нож не по-крестьянски, обратным хватом, а прямым – почти как бандит с окраины Порт-Калинуса. Великолепной заточки лезвие писало в воздухе восьмерки.

Через миг нож прошел всего в двух сантиметрах от груди увернувшегося Стрижа.

– Да уймись же ты, старый склеротик.

Фалиан ответил серией выпадов, намереваясь загнать противника в колючие заросли. Самый кончик ножа чуть задел предплечье иллирианца.

– Еще одно движение, Фалиан, и я вас ударю. А если ударю, то убью.

Иеремия, набычив загорелую шею, ринулся в атаку. Стриж перехватил вооруженную руку и дернул ее на себя, вынуждая увлеченного инерцией противника врезаться в куст. Фалиан крикнул, сдергивая собственную одежду с твердых, как рог, колючек, и, не обращая внимания на царапины, развернулся для броска. Поздно. Удар ногой чуть ниже уха привел проповедника с состоянии полной отрешенности.

– Стоять!

Стриж обернулся. Оказалось, что худое лицо Хиллориана может не только краснеть от жары. Полковник держал наготове пистолет и был бледен нездоровой зеленоватой бледностью, только на лбу выступили красные пятна, похожие на укусы moskitov. Хиллориан слегка заикался, раньше Дезет на замечал за наблюдателем такого дефекта речи.

– Дерьмо иллирианское. Ты что. Наделал.

– Да ладно, колонель. Дед через минуту очнется. Он попытался меня прикончить. Это самооборона.

– Вы «нулевик» или пустое место? – спросил Хиллориан, чуть отдышавшись. – Если пустое место, я вас пристрелю, во избежание рецидивов. Здесь, в Аномалии, вы единственный полностью нормальный. Так, холера вас побери, не обостряйте.

Стриж нагнулся, подобрал брошенное ведро.

– Вы сами набрали психологически несовместимую команду.

– В Аномалии любая команда мало совместима.

Иеремия зашевелился, медленно приходя в себя. Хиллориан выждал, пока старик обретет ясность сознания.

– Вынужден предупредить вас, Фалиан. До конца экспедиции – никаких драк, никаких претензий друг и другу. Это мое последнее слово.

Проповедник подобрал нож, спрятал его в ножны, встал, держась с удивительным для побитой стороны достоинством.

– Я понимаю ваш гнев, полковник, но семью моего брата убили иллирианцы.

– Соболезную, тем не менее, прошу воздержаться от поединков с Дезетом. Прошу – это вежливая формулировка. Вообще-то, это приказ. Вы поняли?

– Да.

– Будете противиться моим приказам?

– Нет.

– Хотите добавить еще что-нибудь?

Иеремия перевел на Стрижа взгляд бирюзово-прозрачных глаз.

– Я не подниму на тебя ни ножа, ни кулака, сукин ты сын. Наш полковник против драк. Однако, это, думаю, он не сочтет за драку.

И каленусийский фермер плюнул иллирианскому сардару прямо в лицо.

Стриж отшатнулся – плевок шлепнулся ему на плечо.

– Дезет, не смей! – заорал Хиллориан. – Не трогайте кобуру, вы забыли, кого оставили в Порт-Калинусе? Я не блефую. Я сейчас вас убью. Опустите руку. Вот так. А вы, Фалиан – на десять шагов в сторону... С этого дня – никаких контактов друг с другом. Зачинщика расстреляю без душеспасительных бесед.

Стриж оборвал с куста пучок листьев, вытер плечо, в висках звенела пустота. Сбежать от реальности – желание без надежды. Иеремия спокойно кивнул и пошел к ручью, подобрал оброненное иллирианцем ведро.

Глава 8. Хмурики приходят *Каленусия, Горы Янга, день «Z+10»*

– Что вы сказали, Симониан? Продукты кончаются?

Белочка кивнула. Потускневшие, выгоревшие на солнце волосы свисали на лоб неровными прядями. Лесистые горы почти остались позади, найденная наконец-то тропа вывела к невысокому перевалу. Впереди высился покрытый разнотравьем хребет.

– Объясните еще раз – почему досрочно кончились продукты?

– Из-за лейтенанта Дирка нас шестеро вместо пяти. Мы прошли лишние километры, потратили много времени.

– Идеи, как выправить положение, есть?

– Может... попытаться ловить зверей?

Хиллориан фыркнул.

– Скажите мне как врач – можно есть обитающих в Аномалии животных?

– Немедленно не отравимся. Что будет потом – не знаю.

Хиллориан качнул головой, ковырнул камешки тупым носком ботинка.

– Годится. У вас есть охотничьи навыки?

Джу сморщила носик. В Университете Параду высоко котирировалось вегетарианство. Правда тех, кто стойко выдерживал эту систему на практике, было раз-два и обчелся.

– Навыков никаких.

– Заодно приобретете.

Хиллориан окинул взглядом сжатый кольцом гор горизонт. Высоко в небе описывала круги хищная птица. Небесный ловец внезапно сложил крылья и камнем упал вниз.

– Кто-то что-то здесь уже ловит. Значит, можем поймать и мы.

Идея воодушевила полковника. Быть может, сказалось случайное колебание пси-шторма, но лейтенант Дирк тоже немного ожил, пожелав быть полезным. С некоторых пор холодно-корректный Дезет пожал плечами и согласился. Фалиан, подчеркнуто обходивший иллирианца, предложил свои навыки браконьера. Мюф пришел в восторг от развлечения. Джу одобрила план, втайне мечтая об одном – немного отсрочить день, когда перед нею распахнется бездонная терракотовая воронка Аномалии.

Охота задержала их на два дня.

Густая белоснежная шерсть мертвой козы блестела на солнце. Остановившиеся косые глаза смотрели с укоризной. Шкуру сдирали Джу – неумело, тщательно, мучаясь тошнотой и жалостью. Тушу рассекли тушу походным топориком, в отобранные части Белочка шприцем ввела консервант. Такой припас быстро ссыхался и сильно проигрывал с точки зрения вкусовых достоинств, зато не грозил экспедиции тотальным отравлением.

В сумерках остаток козы трещал, истекая соком на вертеле. Запасливый Мюф припрятал в сумку отделенные от черепа рожки. Иллирианец подошел бесшумно – так ходят гигантские кошки.

– Добрый вечер, леди.

Джу в ответ лишь неопределенно вздернула подбородок.

– Что вы можете сказать об этом?

Дезет раскрыл ладонь и показал неправильной формы призму величиной с орех. Сбоку имелся неправильный выступ с острием. На металлическом жале остался кусочек роговой ткани.

– Откуда эта заноза?

– Вообще-то, с козьего копыта. Странная штука. Вы ничего не чувствуете?

Джу сжала призму и прислушалась к себе – далекий шорох прибоя чуть усилился. На самом краю сознания как бы пробежали мелкие колючие искорки.

– Нет, ничего.

Иллирианец, похоже, был разочарован. Он убрал находку в нагрудный карман.

– Почему полковник зовет вас «Стриж»?

– Это мое второе имя. Псевдоним.

– Вы очень правильно говорите по-каленусийски.

– Стараюсь.

Белочка сорвала длинную травинку и пожевала белый сладкий кончик. Неплохо бы попыталась осторожно прозондировать настроение иллирианца – наблюдение могло оказаться полезным.

– Как вы оцениваете перспективы? Успех или неуспех. Я работаю с Департаментом по контракту и хотела бы через месяц вернуться домой.

Стриж с минуту помолчал, потом сказал с отчетливо заметной злостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.